

ВИКТОРИЯ ВИТА

Альтернатива

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Виктория Вита
Альтернатива

«Автор»

2023

Вита В.

Альтернатива / В. Вита — «Автор», 2023

Библиотека в спальном районе. Много книг и мало читателей. Патриархальная тишина и спокойствие царят в этих залах – кажется, время там течёт медленнее, чем за её толстыми стенами... Но как порой обманчивы бывают впечатления – не только первое, но и второе. В одно мгновение будто все силы зла обрушиваются на тех, кто там работает, завязывая их в один гибельный узел. Убийства, похищения и «куда ни кинь - всюду клин», а к этому ещё прилагается далеко не девичий возраст и не голливудская внешность, и на помощь спешит не рыцарь в сверкающих латах, а бомж, который сам нуждается в спасении... Но Анна – библиотекарь, человек, много читающий, – значит, мыслящий. И ещё у неё есть подруги, а значит, она «не всем по зубам» – только «все» ли это знают?

© Вита В., 2023

© Автор, 2023

Виктория Вита

Альтернатива

Только в фильмах в конце появляется
мужчина и решает все проблемы. В
жизни наоборот: мужчина появляется
в начале, и с него начинаются все
проблемы. NN

Библиотека – это сокровищница всех
богатств человеческого духа.

В. Лейбниц

Статья, статья, статья – ни начала, ни конца, то есть окончания. В голову лезло все, кроме умных мыслей, а сроки поджимали и, хотя повода для паники еще не было, но где-то в области желудка уже ощущался определенный дискомфорт. В конце концов накануне сдачи всегда есть еще одна ночь, да и потом или султан сдохнет, или я. Анна оттолкнулась ногами от пола и, откатившись на офисном кресле почти к центру комнаты, крутанулась вокруг собственной оси. Подумалось, что при такой «интенсивной работе» сия мебель долго не протянет, и это сразу сподвигло на очередную круговерть. Что-то подозрительно хрустнуло, она тяжело вздохнула, приняв это как недвусмысленный знак сверху, то есть скорее снизу, – в одном из колесиков недавно появилась трещина, которая прогрессивно увеличивалась и могла привести к весьма нехорошим последствиям – вплоть до членовредительства. Подобные размышления еще немного подпортили настроение и заставили вернуться к столу, где, изобразив вдохновение, она с силой ударила всеми десятью пальцами по клавиатуре компьютера. На экране компа в ответ на такое крещендо высветилась буквенная абракадабра.

Дуся, она же Дульсинея Тобольская, бесцеремонная особа семейства кошачьих, найденная в котеночном возрасте под мусорным баком. На нем кто-то белой краской написал «Тобольск, это круто», что и определило ее родословную. У Дуси было легкое сходящееся косоглазие, а левое ушко свисало, будто листочек лопуха. Маленькая, грязная и отчаянно несчастная, она своим видом разорвала Ане сердце – и та не смогла устоять. Теперь Дульсинея представляла собой роскошную мохнатую красотку серого окраса с черными, хаотично расположенными полосками. Кроме «повышенной пушистости», родители передали ей свое нравственный характер и недюжинный кошачий ум. Несмотря на все старания ветеринаров, ее ушко так и осталось вислым, что в сочетании с косоглазием делало Дусину мордашу весьма выразительной. Здесь присутствовало все: от лихости и легкой придурковатости с налетом недоумения – «а, что собственного такого произошло» – до выражения собственного превосходства над всем миром. За это ей прощалось многое, а если быть честной – то практически все. Дуся беззастенчиво пользовалась своими привилегиями – ведь для особ королевской крови, к коим она себя причисляла, запретов не существовало.

Сейчас кошка, находясь в образе королевишны, возлежала на столе, занимая большую его часть, и совершенно не собиралась поступиться даже миллиметром захваченной территории. Почувствовав изменения в настроении хозяйки, Дуся лениво подняла голову и через прищур янтарных глаз бросила на Анну взгляд полный осуждения: – она не одобряла трудовых порывов хозяйки.

– Это не шедевр, – доверительно сообщила ей Аня и еще раз пробежала глазами по выстраданным строкам текста. Недовольно скривившись, она почесала карандашом голову и,

неожиданно положив его на верхнюю губу, прижала к носу. – Дуся, смотри, какие у меня усы. Я похожа на Пуаро?

Кошка закрыла глаза и бессильно уронила голову на передние лапы: мол, ну что взять с того, чьи предки относятся к приматам.

– Слушай, ты, «последнее утешение старой девы», могла бы быть и повежливее с тем, кто тебя кормит.

Дуся сладко потянулась, перевернулась на другой бок, едва не сметая со стола комп, и продемонстрировала полное пренебрежение к литературным потугам «обслуживающего персонала».

– Ну раз меня здесь игнорируют, – обиделась Аня, – тогда я пойду прогуляюсь. Смена обстановки идет на пользу, – и тут же добавила: – Хотя не всем и не всегда. Зато получу порцию свежего воздуха, а это еще никому не приносило вреда. Дуся, ты как? Не желаешь пройтись по питерским осенним лужам?

Судя по отсутствию радостного энтузиазма со стороны животного, очередная инициатива хозяйки не была одобрена, тем более накануне включили отопление, и менять комфорт и уют на дождь и лужи – это было не для Дуси.

– Вот если бы кто-то был собакой, то сейчас бы этот кто-то очень радовался походу на улицу, – Анна продолжала разглагольствовать, одновременно переодеваясь в соответствующую погодным условиям одежду.

Такого возмутительного упрека Дульсинея выдержать не могла. Сев, она насупившись уставилась на хозяйку. Сравнение с собакой, да еще и не в ее пользу, Дуся посчитала верхом цинизма.

– Да-да, знаю, – продолжила Аня, не обращая внимание на Дуськино недовольство, – мне не приходится выгуливать тебя каждый день в шесть утра, но зато ты грохочешь миской в три ночи и тыгыдыкаешь в четыре.

«И что? – недовольно дернула хвостом кошка, – ты все равно меня любишь».

– Но я все равно тебя люблю, – продолжала Анна. – Как думаешь, что мне надеть? Пожалуй, для норкового манто еще рановато, тем более его нет в наличии, поэтому оденусь-ка я попроще, ну, чтобы не привлекать особого внимания... Дуся, как ты считаешь?

Та безмолвствовала, но степень недовольства на мордахе увеличилась. Дуся оказывала внимание только тогда, когда сама считала нужным, – это был не тот случай.

Аня надела выдавшую виды куртку из «кожзама», или, как указывалось на ценнике, «экокожи». Сей шедевр дизайнерской мысли, созданный неизвестно в какой стране, использовался для вояжей по магазинам эконом-класса, а также посещения тех мест, где не предусматривалась встреча с венценосными особами, лицами, приближенными к престолу, а также власть предержащими и олигархами любого калибра. А еще эта куртка не боялась катаклизмов, возникавших во время прогулок с дочками Аниной ближайшей подруги, Поленькой и Оленькой, – одно только посещение детской площадки чего стоило.

Закинув за плечо небольшой рюкзачок, Аня, как обычно, в последний момент споткнулась о кошку, с невозмутимым видом застывшую у двери, и, погрозив напоследок Дуське пальцем, бодро выскочила из квартиры.

На улице моросил дождь, и северный ветер с удовольствием бросал в лицо острые иглы ледяных капель.

– «Погода располагает к депрессии, а настроение к суициду», – процитировала Аня где-то вычитанную фразу, и... настроение улучшилось. Она любила Питерскую осень с ее дождями, беспробудно серым небом и северным ветром (конечно, при условии правильно подобранной одежды на выход). К тому же в запасе была еще пара дней, а это вполне достаточно, чтобы добить статейку о пользе чтения художественной, а именно – классической, литературы. Кроме Светланы, ее начальницы, статью никто читать не будет: тех, кто любит хорошие

книги, агитировать не надо, а те, у кого интеллектуальное развитие остановилось на уровне комиксов, тем более не заинтересуются ее «шедевром» вследствие утери навыков усваивания предложений, содержащих более трех слов. Она натянула капюшон поглубже и решительно шагнула в непогоду. Жизнь налаживалась – настроение улучшалось. Как здорово просто так бродить по улицам и наслаждаться плохой погодой. Когда-то ей в руки попал старый шпионский детектив под названием «Что может быть лучше плохой погоды». Она не помнила подробности сюжета, но название определяло ее отношения к непогоде. После такой прогулки совсем по-особенному воспринимается тепло и уют родного дома.

Иногда она шла медленно, по-старушечьи загребая ногами, иногда ускоряла темп до лёгкой пробежки, а в голове все крутилось – как очевидное – что читать – это здорово и что каждый может найти для себя новый, необыкновенно интересный, волнующий мир, который захватывает и увлекает, помогает и спасает, учит и поддерживает...

Удар в спину, вытолкнувший ее на середину огромной лужи, был неожиданным, необъяснимым и весьма неприятным, так же как и последовавшее за ним извинение:

– Ишвините, бабуфка, я ваш не шильно удаил? – торопливо прошепелявил простуженный мужской голос. Говоривший спешил и постарался ее оббежать, но не тут-то было.

– Я?! Бабушка?! – Ее возмущению не было предела. Продолжая стоять в луже, она откинула капюшон.

– О! Анька?! Гончаова?! Это фто, ты?!!

Бомжеватого вида мужчинка радостно ринулся к ней, поднимая фонтан грязных брызг. Пока он восторженно ее тискал, она мучительно пыталась вспомнить, откуда ей был знаком этот неприятный тип. Определенно среди близких, да, пожалуй, и далеких, подобных личностей не было. Неопрятная одежда, бурая, недельной давности щетина на помятом, цвета истлевшего пергамента лице. Огромный, отцветающий синяк под левым глазом спускался на скулу и дальше по кадыкастой шее вниз, прячась за неопределенного цвета шарф. Жиденькие сосульки сальных волос, несвежее дыхание, представлявшее собой микс перегара и дешевого курева, производило не просто отталкивающее, а «отшвыривающие» впечатление.

– Витя? Никитин? – пришло внезапно на ум, и она с усилием растянула губы в улыбке, стараясь максимально снизить степень ее кислотности, и нервно оглядываясь по сторонам. Она очень надеялась, что поблизости нет знакомых, которые потом с превеликим удовольствием будут смаковать подробности ее встречи с молодым человеком весьма специфической наружности. Одновременно в голове роились вопросы: когда она в последний раз видела бывшего одноклассника и какую придумать причину, чтобы с наименьшими потерями вывернуться из неловкой ситуации и удрать отсюда подальше.

Никитин тем временем выпустил ее из объятий и, крепко вцепившись в рукав ее куртки, обозначил, что никоим образом не собирается отпускать свою добычу.

– Я – Никитин. Но Вова – ты никогда наф не фафличала, – хохотнул он, продемонстрировав верхнюю челюсть без двух передних зубов. – Витек еще фидит, ему в уфловно-фофочном откафали. А ты, фмотфи, пофти не ифменилафь, – сделал он сомнительного качества комплимент демонстративно рассматривая ее с ног до головы и, видя нарастающее недоумение, пояснил: – У меня фубов нет. Упал. Тепефь буфу фафовые

видя нарастающее недоумение, пояснил: – У меня фубов нет. Упал. Тепефь буфу фафовые фтавилаять.

Последнее заявление о фарфоровых зубах прозвучало несколько двусмысленно. Подобная роскошь совершенно не вязалась с его внешним видом и синяком на лице, видимо, полученным вследствие того же «рокового падения». Одежда и обувь тоже не свидетельствовали о его материальном благополучии. Вещи были явно не от кутюр, а еще изрядно поношенные и невероятно грязные. Фуфыкание Вовчика, его пришепетывание и присвистывание при раз-

говоре наводили на мысль, что, кроме двух верхних резцов, у него не хватало минимум еще десятка зубов из полагающихся природой тридцати двух.

– Пойдем пифка фыпьем за фтфечу. Небойфя, я уфощаю.

И не дожидаясь согласия, он с недюжинной силой потащил ее в стоящее неподалеку небольшое кафе-стекляшку с выведенным восточной вязью названием «Шаурма».

Аня ссылаясь на неотложные дела, мямлила, что она не пьет, и не только пива, а вообще ничего, и ей надо срочно домой, потому что она не выключила утюг, газовую конфорку, и не закрыла кран с горячей водой, но между тем, спотыкаясь, семенила за Вовчиком, так как боялась потерять не только рукав, но и саму руку.

Внутри «стекляшка» выглядела так же непрезентабельно, как и снаружи. Стены зала, выложенные белым кафелем, напоминали нечто среднее между столовой советских времен и туалетной комнатой трехзвездочной гостиницы, только размером побольше. Множество прямоугольных столов, окруженных диванчиками с развалами цветастых подушек разных форм и размеров, свидетельствовали о востребованности этого заведения. Было тесно, столы и диваны стояли почти вплотную друг к другу, и узкие проходы между ними практически исключали возможность разминуться. Интерьер дополняли огромные блюда с аляповатыми орнаментами, обязанные поддерживать иллюзию жаркой восточной атмосферы. Судя по убранству и доносившимся из кухни запахам жареного мяса, уксуса и подгоревшего жира, хозяин кафе в организаторском запале пытался создать гибрид чайханы, караван-сарая и цыганского шатра. Все имело несколько пыльный, выцветший и уцененный вид.

В данный момент посетителей практически не было, если не считать пары человек, занявших столик в дальнем углу. Ни сам зал, ни его обстановка, ни ароматы, вызвавшие судорожный спазм желудка, ни тем более компания бывшего одноклассника не стимулировали желания отведать шедевров местной кухни. Между тем Вовчик, «орлиным» взором окинув зал, потащил ее к ближайшему столику у барной стойки, где почти силой усадил на диван.

Диван оказался неожиданно жестким и низким. Упав на него, Аня получила довольно ощутимый удар по пятой точке и вдобавок подбородком едва не стукнулась о

собственные колени. Поза с ногами почти на уровне лица была весьма неудобной.

Вовчик театрально сбросил старую кожаную куртку, украшенную логотипами американских ВВС, и оказался в черной, на пару размеров больше чем нужно, футболке. Его торчащая непомерно длинная и тощая шея напоминала страусиную. Вовчик, скрестив ноги и обложившись подушками, устроился напротив. Худые, длиннющие руки, покрытые серой, в цыпках, кожей, находились в постоянном движении: то они суетливо перебирали столовые предметы, то внезапно проверяли содержимое карманов, то приглаживали сальную растительность на голове, то удостоверались в наличии носа, тербя его с такой силой, будто сомневались, на нужном ли он месте и крепко ли там держится. Наконец, засунув ладони между ног, Вовчик крепко зажал их коленями. Его непомерный энтузиазм заметно поулег, и Ане стало казаться, что он пожалел о своем приглашении. Между тем появилась дородная официантка и положила перед ними потрепанные меню, чьи темно-синие обложки пестрели множеством жирных пятен разных форм и размеров, – по-видимому хозяин экономил на салфетках, а посетители были неприхотливы.

– Мне, пожалуйста воду. Минеральную. Без газа. И в бутылке, – успела выпалить Аня, еще до того как официантка развернулась к ним спиной. – И бутылку я открою сама.

Подобное уточнение должно было исключить вероятность того, что воду ей нальют из-под крана. Монументальная спина официантки слегка дрогнула, что видимо означало: заказ принят. Вовчик с нескрываемой радостью занял руки полезной деятельностью и, слюнявя палец, начал активно листать страницы, изучая перечень блюд.

– Ну, фафкафый, как фывешь? Фамужь вышла? Фаботашь?

– Закончила институт культуры, – вдохновенно поддержала она заданный тон светской беседы, – работаю здесь, в районной библиотеке, не замужем, и не была. Люсю Крылову помнишь? Мы с ней за одной партой сидели. До сих пор дружим. Она врач, двое детей. Она мне физическое здоровье поправляет, я ей – духовное.

Анна открыла воду, которую ей принесли, и сделала пару глотков. Пить не хотелось, но во время образовавшейся паузы она смогла немного подумать над предложением, чтобы уйти.

– Фдофово. А мы бифнеф фамутили с Витьком...

– Что сделали? – поперхнулась от неожиданности Аня. – Извини, но я не очень тебя понимаю.

Вовчик фуфыкал еще минут пять, но в более медленном темпе. Финальным аккордом прозвучало, что сейчас он находится в поисках очень хорошего адвоката. И тут же поинтересовался, нет ли такого среди ее знакомых.

– Если я правильно тебя поняла, – переваривая услышанное, начала Аня, – у вас с

Витей был свой бизнес – что-то там с машинами, потом возникли какие-то неприятности, и вы оба сели. Тебя выпустили условно-досрочно, а Витя попал в драку, у него нашли нож, и ему в досрочном отказали.

В ответ Вовчик радостно закивал: его поняли.

– Ну и чудненько. А насчет адвоката: к сожалению, среди моих знакомых таковых не имеется – ни хороших, ни плохих.

Понемногу осваивая его речь, донельзя довольная собой, она поинтересовалась его семейным положением, о чем тут же пожалела, но было поздно. Вовчик продолжил фуфыкать, но уже с полным ртом: ему принесли пельмени и пиво, что вызвало у него очередной прилив радости. Теперь его речь стала практически нераспознаваемой для человеческого уха, но будущего владельца фарфоровых зубов это абсолютно не смущало.

– Та по молофняку, после фколы пофенилифь, – бурчал он невнятно, стараясь подцепить в тарелке очередной вылепленный из серого теста пельмень, скудно покрытый сметаной и вялой зеленью. – И потом фафу и фафелифь. Бабы попалифь полные фуфы. Хофофо беф фетей обофлофь. А у тебя точно нет афоката?

– Вовчик, нет у меня адвоката... И знаешь, мне пора – у меня сегодня очень много неотложных дел. Ты мне, если что, звони. – Она быстро нацарапала на салфетке свой номер и, пока он не опомнился, положила на стол сто рублей за воду. – Рада была с тобой увидеться.

И не дожидаясь, пока он дожует, со всех ног ринулась к выходу. В дверях она пропустила пару мужчин, не блиставших элегантностью манер и изысками в одежде, и, кое-как с ними разминувшись, выскочила на улицу. Морозящий дождь и северный ветер вызвали у нее неподдельный восторг. Дождь смыл липкость объятий, а ветер проветрил легкие, избавляя от тяжелого духа бывшего одноклассника. Погода дарила свежесть, бодрила и поднимала жизненный тонус. Действительно, все познается в сравнении.

– Простите за беспокойство, – раздался совсем рядом хрипловатый мужской голос. – У вас не будет немного мелочи на еду?

Аня обернулась. Под дождем, даже не зайдя под козырек над входом в кафе, отчаянно сутулясь и низко опустив голову, стоял бомж мужского пола и неопределенного возраста. Он был одет в длинное, мешковатое, явно с чужого плеча пальто, где из дыр местами лез серый, сбившийся в комки ватин; высокий воротник из облезлого меха неизвестного животного был поднят, и над ним виднелась копна грязных волос. Человек еще больше склонил голову, стараясь поглубже спрятать лицо в расчесанную бороду, и глухо добавил:

– Если конечно у вас есть мелочь... не нужная вам...

Она обычно не подавала милостыню на улице, и не потому, что была жадной, просто считала: если на Майбах далеко не каждый может заработать, к тому же такая машина не является предметом первой и даже второй необходимости, то на еду можно. Сейчас же, вырвавшись от

Вовчика, она пребывала в состоянии легкой эйфории и была готова не задумываясь творить добро, и еще почему-то вспомнились «Отверженные» Гюго. Вытащив из кармана деньги, она протянула их бомжу.

– Здесь пятьсот рублей... это много... мне столько не надо... – произнес он, подняв на нее растерянное лицо.

– Ничего, возьмите, они не будут лишними.

– Нет, вы, пожалуйста, здесь подождите. Я сейчас куплю хлеб и принесу сдачу. Только не уходите. Я быстро.

Аня с удивлением посмотрела вслед стремительно удаляющемуся чрезмерно щепетильному бродяге и тут же решила, что на сегодня прогулок и общения с противоположным полом более чем достаточно. Довольная собой, она натянула на голову капюшон и бодро двинулась домой.

Еще год назад пятьсот рублей для нее были очень значимой суммой, да и сейчас не мелочь, хотя и не та потеря, которая могла привести ее к глобальной финансовой катастрофе. Троюродная тетушка по отцовской линии, готовясь к кардинальным переменам (обязывали весьма почтенный возраст и статус «старой девы») и не имея никаких родственников, кроме брата-профессора, который был значительно моложе ее и Ани, его дочери, воспринимаемой в узком семейном кругу «девицей не от мира сего», то есть совершенно не приспособленной к реалиям современной жизни, оставила ей наследство – однокомнатную квартиру недалеко от Финляндского вокзала и полтора миллиона рублей. Это, конечно, не позволило Анне войти в список самых богатых женщин России, но дало возможность отказаться от подработки в качестве уборщицы и заниматься только любимым делом.

До дома оставалось совсем чуть-чуть: надо было только обогнуть закованный в кольцо многоэтажек детский сад – он прятался среди деревьев и высоких кустов, уже покрытых желтеющей, но ещё не думающей опадать листвой – затем проскочить через узкий проход между домами, повернуть за угол, и «здравствуй, милый дом».

На территории детсада было непривычно тихо, видимо, из-за дождя воспитатели решили обойтись без обычной прогулки. Анна нырнула в зажатый между двумя девятиэтажками узкий сквозной коридор. Она не успела сделать и пары шагов, когда кто-то сзади сильно дернул ее за рюкзак.

– Эй, кошёлка, закурить есть?

Она резко обернулась, готовая провести краткий ликбез о вреде курения, но увидев группу из пяти-шести особей мужского пола в возрасте от шестнадцати до восемнадцати, медленно берущих ее в плотное кольцо, испугалась. Подростки напоминали волчью стаю, и в их глазах горел дьявольский огонь охотничьего азарта. Они явно упивались сознанием собственного превосходства и безнаказанности.

– Ну что, бабка, поделишься пенсией? – прогнусавил паясничая прыщавый лидер. Он был старше остальных, выше и массивнее. Кто-то, оказавшись у нее за спиной, сдернул с головы капюшон. Она попыталась обернуться, но ее с силой толкнули в спину и сорвали с плеч рюкзачок.

– О, да она не такая и старая, – встретив ее обратным тычком в грудь, удивился вожак. – Тогда делись зарплатой, или чего у тебя там есть. Короче, деньги гони!

Он толкнул ее в плечо, потом еще и еще раз. С каждым разом удары становились сильнее. Он надвигался на нее рыхлой массой, скалясь гнилозубой улыбкой. Выше почти на целую голову, под взглядами преданной стаи он явно ощущал себя несокрушимым Халком. Это было бы смешно, если бы не было так страшно. Анна сделала несколько шагов назад и уперлась спиной в шершавую, уходящую в бесконечность бетонную стену, что вызвало у толпы гомерический хохот и улюлюканье.

– А ходу-то дальше нету! – «Халк» был в ударе. – Конец тебе, овца. Сейчас из тебя шашлык-машлык будем делать.

Ей хотелось потерять сознание, умереть, только чтобы не видеть и не знать, что будет дальше. Мелькнувшая на мгновение вдаль и тут же скрывшаяся тень бойкой старушки, живущей где-то по соседству и везде сующей свой нос, лишила ее последней надежды.

– Может, нам стриптиз покажешь? – И перед ее лицом с резким щелчком вылетело острое лезвие ножа.

– Простите, что помешал, – вдруг раздался нерешительный хрипловатый мужской голос, – но я... можно я сдачу отдам?

Неожиданное появление нового действующего лица внесло было сумятицу в ряды зверенышей, но, увидев, что это всего-навсего опустившейся клошар, они еще больше развеселились. Анна закрыла глаза. Этот несчастный, которому она дала деньги, сейчас выглядел даже более жалким, чем несколько минут назад. Теперь он еще больше сутулился; казалось, промокшее пальто непосильным грузом давило ему на плечи. Стоя посередине лужи, он крепко сжимал в руке пакет с ржаным хлебом и смотрел себе под ноги, явно не понимая, что происходит.

– О, а вот и ее принц, – радостно оскалился «Халк», вновь доставая спрятанный было нож. – Сейчас они нам двойной стриптиз покажут. А ну, пацаны, страхуйте, чтобы нам не помешали.

Двое что помладше как по команде кинулись перекрывать входы в коридор.

– Ну, начнем? Давай, раздевайся!

Бомж медленно, не выпуская хлеб из руки и не поднимая головы, стал послушно расстегивать пальто.

И внезапно все исчезло. Все, кроме оплывшей угреватой рожи с безумными глазами и распахнутым в беззвучном хохоте гнилым ртом. Страх растворился в ненависти к этому лицу, и она захлебнулась ею.

– Не смей!! – Ее голос произвел впечатление громкого выстрела. – Прекратить!! Немедленно!!!

Ослепленная яростью, она бросилась к «Халку», целясь скрюченными пальцами в ненавистные, оплывшие глаза. От неожиданности «Халк» отшатнулся, а дальше стало происходить что-то странное. Забыв о законах земного притяжения, по одному, а то и по двое, совершая странные кувырки и кульбиты, вся компания, включая их предводителя, оказалась на земле. Позы у них были разные, но скулили все одинаково – болезненно и жалостливо.

– Вы что это детей избиваете? – заголосил визгливый старушечий голос появившейся из ниоткуда соседки. – Это что же такое, детям и погулять нельзя?! Всякие бомжи уже проходу не дают...

– Зинаида Никитична? – От пережитого Аня внезапно вспомнила имя этой старушенции, отчаянной сплетницы и склочницы. – А это не вы случаем мимо пробежали, когда на меня детки с ножом напали? Вы, Зинаида Никитична, не бесите меня, а то я сейчас готова на плохие поступки.

– Ой, а еще интеллигенция называется, – запричитала соседка, но на всякий случай ускоренно попятилась спиной к выходу из коридора. – А родители-то какие приличные...

– Не доводите до греха, идите отсюда, иначе я сейчас полицию вызову, и вы будете долго им объяснять, как покрывали бандитов... Кстати, вон их нож валяется, не хотите себе взять? Правда, он в крови, ну так отмыть можно – мало ли, в хозяйстве пригодится.

– Каких таких бандитов? Какой такой ножик? Знать не знаю и знать не хочу. – Последние слова Зинаида Никитична уже договаривала, скрываясь за углом и громко тарыхтя колесиками огромной, перетянутой веревками хозяйственной сумкой.

Аня собирала валяющиеся повсюду свои вещи и не глядя забрасывала их в распотрошённый рюкзачок. В висках молоточками стучала бешено пульсирующая кровь – пошла отдача, и ее начинало слегка потряхивать.

– Кажется, меня ранили... – Продолжая крепко сжимать пакет с хлебом, бомж с удивлением смотрел на медленно стекавшую по руке кровь, которая густыми тяжелыми каплями падала на землю.

Дрожь мгновенно утихла, молоточки исчезли, и все встало на свои места. Этому человеку нужна помощь. Квалифицированная. Медицинская.

– Если у вас нет других планов, то можно подняться ко мне, и там перевяжем или скорую вызовем, – предложила она храбро, в душе моля бога, чтобы Люся оказалась дома, а уж она все знает, все понимает, а главное – все может. Хотя лучше бы он отказался от ее помощи. И тут же, устыдившись собственного малодушия, добавила: – Я живу здесь, рядом. В первом подъезде.

– Спасибо. Буду вам очень признателен, – он наклонился чтобы поднять свое пальто, от одного вида которого Анне сделалось по-настоящему плохо.

– Подождите, не надо его брать. У меня дома есть кое-какая мужская одежда, и у моей подруги, она врач, – тоже, у нее даже выбор больше. Мы обязательно вам что-нибудь подберем. Только *это* с собой не берите. Пожалуйста, – Мольба в ее голосе граничила с отчаянием.

– Хорошо, – послушно согласился бомж, – я потом себе другое найду. Тогда я готов.

Осторожно обходя копошащийся в грязи молодняк, они двинулись вперед. Внезапно он наклонился, поднял нож, завернул его в неизвестно откуда взявшуюся несвежую тряпицу и положил себе в карман.

– Они еще дети, – ответил он на ее вопрошающий взгляд, – могут пораниться.

Аня кивнула, окончательно удостоверившись в сомнительности затеянного, но отступить было поздно. У подъезда, пока она доставала ключи, он бросил грязный сверток в урну.

– Я его выбросил, – снова пояснил он, не поднимая головы, и замолчав последовал за ней.

– Как вас зовут? – не выдержала она его молчания.

– Не знаю, – спокойно, даже как-то равнодушно ответил он. – Я ничего о себе не помню. Я даже не знаю, сколько времени живу без дома. Вдруг однажды проснулся где-то на улице, и с этого момента началась новая жизнь... Прошу прощения, а у вас помыться можно? – И тут же с испуганной торопливостью добавил: – Я за собой все уберу.

– Конечно-конечно, а я пока подруге позвоню. Она хирург и обработает вашу рану. Я тоже могу, но она профи высокого класса – и это будет надежнее.

Первое, что бросилось Ане в глаза, когда они вошли в квартиру, – это стремительно удаляющееся в сторону комнаты мохнатое филе Дуси.

– Вы, пожалуйста, пока здесь постоитте, – остановила она его сразу у входной двери, хотя он и не проявлял инициативы двигаться дальше. – Я вам сейчас принесу банное полотенце и пластиковый мешок, в который вы сложите всю одежду и тотчас завяжите тугим узлом.

Сбросив с ног обувь, она прошлепала в комнату и достала из шкафа полотенца, предназначенные для утилизации, до которой никак не доходили руки. Гость стоял неподвижно на том же месте, где она его оставила, боясь не только лишний раз пошевелиться, но даже вздохнуть.

– Полотенца тоже в мешок засунете. Вот сюда, – и она протянула ему огромный пакет из-под коробки для зимних сапог. – Когда будете готовы выходить, позовите. Я к этому времени попытаюсь что-нибудь подобрать вам из одежды, так что не вздумайте свое надевать. Или хотя бы не здесь...

– С-с-спасибо, а можно еще попросить ножницы, – так и не смея поднять головы, попросил он полупшепотом.

Анна быстро метнулась обратно в комнату, схватилась было за маникюрный набор и тут же вернула его на место. Чуть поразмыслив, извлекла из глубин платяного шкафа коробку из бересты, где хранились принадлежности для шитья (наследие все той же тетушки), достала

оттуда большие портняжные ножницы, решив, что ими без сожаления можно пожертвовать и вернулась к гостю. Мужчина так и продолжал стоять неподвижно, будто его приклеили к коврику у двери.

– Вот, у меня здесь хлеб, и еще сдача, я их положу тут на пороге и... спасибо.

Взяв ножницы, он исчез в ванной, а она, сбросив куртку, уже набирала телефон Людмилы. Из комнаты показалась мордаха Дуси с немым вопросом: «Оно ушло?» Увидев хозяйку, схватившуюся за телефон, и услышав шум льющейся воды из ванной, кошка решила, что происходящее, конечно, интересно, но учитывая, что любопытство сгубило не одну из представительниц ее рода, и ей уж точно не хотелось пополнять их славные ряды, на полусогнутых лапах отправилась обратно в гостиную.

– Люся, Люсенька!!! – стараясь не орать на всю квартиру полусшепотом завопила Аня в трубку. – Ты дома?!

– Не идиотничай. Ты мне на домашний звонишь. Сплю после суток. Я же тебе вчера говорила, что дежурю...

– Отлично, – не слушая радостно затарахтела Аня. – Так, срочно ко мне. Бегом. Вкратце: на меня напали хулиганы, спас бомж, у него ножевое ранение, и сейчас он моется в моей ванной. И еще мне нужна мужская одежда. От твоих что-нибудь осталось? Да и мужское белье тоже нужно...

Длинные гудки, раздавшиеся в трубке, она расценила как хороший знак. Значит, та сейчас мечется по квартире, собирая все необходимое. Люська, лучшая подруга, жила в этом же доме, в этом же подъезде, точно в такой же квартире – только на два этажа выше. Они дружили почти с пеленок. В отличии от нее, Люся была энергичной, кипучей, всегда умудрялась находиться в эпицентре событий, умела ухаживать по пустякам, что не мешало ей быть блестящим хирургом. Она не следила за трендами высокой моды, не страдала комплексами по поводу своей внешности – невысокая, плотненькая и никогда не унывающая, уверенная, что нет таких проблем, с которыми нельзя справиться, всегда готовая с шашкой наголо ринуться в «последний и решительный бой» за правду; дважды побывала замужем и в каждом браке родила по дочери – Поленьку и Оленьку. Девочек они воспитывали втроем: сама Люся – между дежурствами в клинике, ее мама Мария Ивановна и, конечно, Аня, обожавшая их всех. Если кто-нибудь, набравшись духу, осмеливался спросить у Люси про их отцов, она только отмахивалась и говорила: «не заморачивайтесь», но произносила это так, что у любопытствующего напрочь пропадала всякая охота поднимать эту тему в дальнейшем

Аня едва успела включить чайник, как на кухню вломилась Людмила собственной персоной. На ней был спортивный костюм ядовито-розового цвета в обтяжку – подарок второго мужа, безуспешно боровшегося с ее лишним весом путем приобщения к спорту – костюмом это приобщение и закончилось. Расстегнутая кофта демонстрировала футболку с улыбающимся смайликом, чья рожица на пышной груди Люси смотрелась несколько вызывающе. На ногах гостя пушились в цвет футболке шлепанцы, на лице остались следы от подушки.

Людмила была вооружена медицинским саквояжем и чем-то похожим на платяной шкаф для малогабаритной квартиры. С подобной экипировкой Люся была готова к любым неожиданностям – даже к концу света. Глаза ее горели праведным гневом, волосы стояли дыбом, как помпоны на тапочках, надетых на босу ногу.

– Это что? Двухместная переноска для Оленьки и Поленьки?

– Не заговаривай мне зубы, – рявкнула Люся, бросая «шкаф» на пол. – Почему у тебя хлеб и деньги валяются у двери? И сколько можно таскать с помойки все что не попадет?! То косоглазую кошку приволочешь, теперь мужика... Дусинька, солнышка мое, – она тут же переключилась на появившуюся из коридора кошку и, подхватив ее на руки, оставила подругу

на некоторое время в покое, – тебя твоя больная на всю голову хозяйка совсем голодом заморила...

– Ага, – обиделась Аня, – ее уморишь, как же... Ты ее, вон, еле с пола подняла... Лучше бы спросила, как я от бандитов отбивалась.

Люся с безвольно висящей на руках Дульсинеей бросила в ее сторону убийственный взгляд, и окончание фразы прозвучал несколько скомканно, не произведя должного впечатления.

– Ну и какого черта тебя сегодня понесло на улицу? – вернулась Люся к теме, которую, по-видимому, начала еще у себя дома, при этом продолжая тискать Дусю, доводя ту до состояния полной кошачьей эйфории. – Чего тебе в такую погоду дома не сиделось? И налей мне чай или кофе – хотя лучше чай, я вторые сутки на ногах, и кофе последние сутки пила ведрами. Да, мама тебе кусок жареной курицы с картошкой передала. Сказала, что у тебя, такой творческой природы, хорошо если корм для Дуси есть. Ты же не в магазин ходила?

– Нет, погулять, но у меня еще есть гречневая крупа, сосиски и хлеб, – нимало не смутившись, возразила Аня. – А за курицу спасибо. Он же, наверное, голодный...

– Он – это кто? Это ты о своем бомже? Где ты его нашла? Еще раз спрашиваю – почему на пороге валяются хлеб и деньги?

– Я же пытаюсь рассказать, а ты меня все время перебиваешь, – разливая чай по большим кружкам, спокойно продолжала Аня. – У меня застопорилась писанина, и я решила прогуляться. На улице встретила Вовчика Никитина. Ты его помнишь – эти близнецы к нам в восьмом классе пришли.

– Помню – охламоны и двоечники.

– Именно. Этот Вовчик затащил меня в жуткое кафе. Оказывается, он сидел за какие-то темные дела, связанные с автомобильным бизнесом, а Витек до сих пор еще сидит.

– Веселые ребята. Я еще в школе знала, что их ждет интересное будущее.

– И, как всегда, оказалась права, – произнесла Аня, заискивающе глядя в той в лицо, и продолжила: – Вовчик все такой же неопрятный, только еще и без зубов. Я еле от него вырвалась и на пороге кафе столкнулась с бомжом – он попросил денег на еду. А у меня было наличными только пятьсот рублей – я ему их и отдала...

– Какая интрига! А что помешало еще и ключи от квартиры предложить? – с иронией поинтересовалась Люся, не обращая внимание на откровенный подхалимаж со стороны подруги и одновременно извлекая из огромного баула завернутую в фольгу миску с жарким и коробку шоколадных конфет. – Хотя... он же адреса не знал. Поэтому ты сама его сюда притащила? И убери со стола эти странно потеющие чипсы, которые ты осмеливаешься называть сыром. – Она с презрением посмотрела на ломтики крепкого желтого цвета, напоминавшие залежалую картошку фри.

– Люся, он спас мне жизнь. Эти уроды, что все время сидят на детской площадке, ну ты их наверняка раньше видела. Они пристали ко мне, а бомж вступился, и они его даже

ножом ранили.

– Подожди, Анечка, дорогая, их же там человек пять, или шесть, или даже семь...

– Я тебе и пытаюсь об этом рассказать – он их так раскидал... То есть сначала я впала в ярость и их главарю чуть глаза не выцарапала...

– Не поняла. Ты что, с голыми руками?.. Одна? Кинулась на кого? На главаря? У которого, как я понимаю, еще было и оружие? Совсем разум потеряла?

– Они потребовали, чтобы мы разделись, полностью разделись... понимаешь? И он уже начал... ну меня и накрыло... а потом бомж их раскидал – я моргнуть не успела, а он даже хлеб из руки не выпустил... А потом оказалось, что у него на руке кровь... и я предложила пойти ко мне...

– Подожди, – Людмила окаменела. – Ты сейчас хочешь сказать, что он один раскидал всех и теперь с резаной раной руки, истекая кровью, принимает у тебя горячую ванну?!

– Душ, – потупившись поправила Аня. – И когда он туда пошел – кровь уже не капала...

– А если у него СПИД, или гепатит, или еще что-нибудь нехорошее? Тебе это не приходило в голову?! И как он мог их раскидать? А может, он не бомж, а переодетый преступник и находится во всемирном розыске? Или маньяк какой-нибудь? Прошу прощения за мою неделikatность, но, зазывая его к себе, ты о чем думала, а главное – чем?

– Он не похож на преступника, – мямлила Аня, стесняясь признаться, что ответ на последний вопрос ее тоже интересует. – Мне его стало жаль, и потом он ничего о себе не помнит. У него амнезия...

– Это он тебе так сказал? – Люся даже не старалась скрыть своего полного апофигея. – Анна, у тебя большие проблемы с головой, и мне надо бросить хирургию и пройти специализацию по психиатрии или мать Тереза по сравнению с тобой – монстр.

– При чем здесь мать Тереза? Тем более, с ней тоже не все так однозначно. – Аня обиделась окончательно и положила в рот одновременно две конфеты. – Не фсем физет в фифни...

– Прожуй сначала, человеколюбивая ты моя...

– Простите, а вы что-то говорили насчет одежды, – раздался хрипловатый голос из ванной. – Но я могу надеть и свою...

– Нет, – дружно ответили обе.

Людмила легко подхватила мобильный «шкаф» и как можно ближе подтащила его к двери ванной.

– Выбирайте, что вам больше подойдет.

И, чтобы не смущать гостя, тут же вернулась обратно.

– Я принесла все, что осталось от первого и от второго, – сообщила она сначала Дусе, а затем и Ане. – Будем надеяться, что-нибудь ему подойдет... И хватит есть конфеты, я не собираюсь их забирать домой, – это относилось уже только к Анне. – Сейчас он оденется, я его осмотрю, потом накормим его курицей и отправим восвояси, а сами пойдем к нам и нормально пообедаем... Или у тебя другие планы?

Приглашение касалось только подруги. Дуся с Оленькой и Поленькой дружбу не водила и «любила» девочек издали.

Мобильный, выдав звуки гимна, ознаменовал, что звонит заведующая, и это не позволило Анне сформулировать достойный ответ.

Светлана Владимировна была на пару лет ее старше, умная, красивая. Если бы не чрезвычайно серьёзное выражение лица (возможно, это было связано с занимаемой должностью), то ее можно было назвать сногшибательной. Где у Светы был плюс, у нее, Ани, был минус, за исключением веса – здесь в плюсе была она. Взаимоотношения с заведующей были почти дружеские, чему способствовала любовь к книгам и полная неустроенность в личной жизни.

Радостно щебеча, Светлана сообщила, что наступил сентябрь – это для тех, кто еще не знал или уже забыл, – и у Настеньки, то есть Анастасии Васильевны, сыночек только пошел в садик и уже заболел, и Настенька, то есть Анастасия Васильевна, вынуждена взять больничный и... не может ли Аня их выручить и выйти завтра на работу?

– Без проблем, – тут же согласилась Аня, корыстно радуясь, что теперь у нее есть уважительная причина не писать статью – что поделаешь, производственная необходимость, и надо выручать коллектив. В конце разговора заведующая на ура выдала как аксиому, что Аня «лучше всех» и никто не сомневался, что она согласится, и именно на таких, как она, держится мир.

– Я так понимаю, завтра тебе на работу? – холодно озвучила результат своих умозаключений Люся. – А твоя заведующая в курсе, что последние несколько лет ты ни разу полностью

не отгуляла отпуск и у тебя накопилась такая куча отгулов, что вы, донна Анна, до Рождества можете спокойно находиться дома.

– Они кое-что компенсируют деньгами... иногда... И потом, у Насти заболел ребенок...

– Если бы не теткина квартира, то тех денег, что ты зарабатываешь, едва хватило бы на корм Дусе. И если ты будешь столько работать, то своих детей у тебя точно никогда не будет... Останется, как Светлане, жить в мечтаниях о высоком и пахнуть книжной пылью.

– Ты тоже не всегда Шанелью благоухаешь, – возразила Аня и, набравшись духу, смело посмотрела подруге в глаза.

– Простите, что прерываю, но я вот... уже готов...

Подруги дружно воззрились на говорившего.

Незнакомцу было хорошо за сорок, возможно, меньше. По его изможденному лицу, подстриженным вкривь и вкось волосам и бороде судить было трудно. Худой до прозрачности, бледный до синюшности, высокий до неприличия. Джинсы на нем смотрелись весьма свободно и едва доходили до щиколоток. Оба Люськиных мужа были значительно выше среднего роста и никогда не страдали избыточным весом (несмотря на усилия тещи их откормить). Руки незнакомца висели как плети, и рукава серого свитера с кубическим рисунком на впалой груди не закрывали узких запястий. Всем своим видом он напоминал старшеклассника после летних каникул, примерившего старую школьную форму. Общий вид в сочетании с виноватым выражением лица вызвали острое желание накормить его и обогреть.

– Я там все убрал и даже кафель помыл, – судорожно сглотнув, произнес мужчина, не зная, куда деть свои длиннющие руки, и вдруг, запустив пятерню в волосы, стал их судорожно приглаживать. – Я не трогал ваши умывальные принадлежности и... расческу. Спасибо вам, а теперь можно я пойду? Может, там мое пальто еще не забрали...

Он взял в одну руку мешок со своими вещами и, склонившись, поднял с пола пакет с хлебом.

– Стоять, – первой вышла из ступора Люся. – Мешок с вещами выставить за дверь, и ступайте сюда, я должна осмотреть вашу рану.

Дульсинея, расценив смену приоритетов как предательство, прыгнула на пол и, махнув недовольно веерообразным хвостом, продефилировала в комнату, даже не стараясь скрыть, что доверие к людям ею утрачено навеки.

– Там просто царапина, – постарался возразить бомж, переминаясь с ноги на ногу. – А хлеб куда?

– Сюда идите, – Люся достала из принесенного саквояжа медицинские перчатки, запечатанные пластиковые пакеты и пакетики, несколько пузырьков разной формы, размера и цвета, а также плотной пакет из коричневой бумаги, в очертаниях которого угадывались медицинские инструменты.

Мужчина безропотно сел на стул и закатал рукав. Длинная яркая ссадина тянулась по наружной поверхности предплечья от лучезапястного сустава до локтя. Надев латексные перчатки, Людмила внимательно осмотрела его руку, затем, раскрыв пакеты со стерильными салфетками, обработала антисептиком чуть подкравливающий порез и наложила пластырь.

– Это что? – спросил он, зачарованно наблюдая за ее движениями.

– Стрипс – специальный пластырь, накладывается на неглубокие раны, стягивает края и ускоряет заживление, – ответила Люся, сворачивая свой мини-госпиталь. – Надеюсь, все заживет без осложнений, но через пару-тройку дней надо будет еще раз осмотреть и обработать. А теперь давайте вы немного перекусите.

– Как мы можем к вам обращаться? – ставя на стол тарелку и освобождая из фольги миску с еще теплой курицей и картошкой, тихо, будто невзначай спросила Аня.

– Саня... Правда, я не уверен, что это мое настоящее имя, но как-то так повелось...

– Хорошо, пусть будет Саня. Давайте так: пока вы обедаете, чтобы вам не мешать, мы с подружкой посекретничаем в комнате, – и, подхватив под руку опешившую Люду, Аня потащила ее за собой в гостиную. Дуся, негодуя, соскочила с дивана и не раздумывая спряталась за оконной портьерой.

– И что дальше? – тихо, чтобы не услышал гость на кухне, зашипела Люся. – Судя по твоему загадочному виду, ты уже что-то придумала. Рассказывай, солнце мое, очень хочется повеселиться, а то мы с тобой как-то скучно жили до этого момента.

– Твой сарказм неуместен, – приняв осанку, достойную английской королевы, холодно произнесла Анна. – Хочу всего-навсего предложить ему пожить на нашей даче. До лета. Пусть ее охраняет. В прошлом году, зимой, ее дважды пытались ограбить, хорошо, соседи увидели... А дальше – жизнь покажет.

– Аня, подожди. Что значит «всего-навсего»? Это ты о вашей «усадьбе» в Репино? То есть ты хочешь неизвестно кого пустить туда жить? С ума сошла? Да? А Марина Игоревна? А Илья Леонидович? Ты когда с родителями последний раз общалась?

– Люся, не суетись. Я ни минуты не сомневаюсь, что мама знает о любом моем чихе от Мариванны. Они каждый день созваниваются?

– Почти, – с явной натугой выдавила из себя Люда и тут же, встрепенувшись, добавила. – Ты тоже должна их понять: ты у них единственная дочь, и они всегда хотели и хотят тебе только добра.

– Люсь, не заставляй напоминать, какими намерениями дорога отнюдь не в райские кущи выслана, – и, призвав подругу к молчанию, Аня набрала номер на мобильном. Ответили сразу. Из трубки послышался взволнованный женский голос. Не дослушав, она сразу начала рассказывать о несчастном брате своей заведующей – честном и благородном человеке, в недалеком будущем великом писателе, которому крайне не повезло с женой: находясь сейчас в стадии развода и размена квартиры, он оказался в безвыходном положении, ему совершенно негде жить, а соответственно, и творить, и очень нужно, чтобы он пожил на их даче, заодно ее охраняя. Все было выдано единым залпом скорострельного

пулемета. Затем, по-видимому, получив согласие, Аня торопливо попрощалась, уверяя, что у нее все хорошо и просто замечательно.

– Марина Игоревна решит, что он твой любовник, – заключила Людмила. – Иначе это не подлежит объяснению. Мало того, что ты сама позвонила родителям, так ты им еще и врала... Какое буйство фантазии! Стругацкие, Брэдбери и Уэллс – дети по сравнению с тобой. Это что-то выходящее за пределы моего понимания. Вы же не общались последние сто, нет, двести лет, ну, поздравления с праздниками я не беру во внимание. Он что, произвел на тебя такое впечатление?

– Люся, он вступился за меня, когда мне угрожали ножом. Их была толпа... Ты бы видела, как они летали: на них не действовало земное притяжение. Мне кажется, они в тот момент даже не понимали, что происходит... Впрочем, как и я... Ты что, сейчас хочешь предложить, чтобы я перезвонила маме, извинилась и рассказала все как есть?

– Сначала им кардиореанимацию вызови... – задумчиво посоветовала Люся. – Но зато с тобой абсолютно все понятно. Он – Рембо, находящийся в состоянии глубокой амнезии, с неизвестно, насколько темным прошлым, сомнительным настоящим и очень туманным будущим. И ты – тургеневская барышня, с поправкой на двадцать первый век, но чистая помыслами и сердцем, а заодно и головой, что в сумме составляет одну большую печальку. До сих пор удивляюсь, как ты могла так взбрыкнуть в свое время против воли предков... Ладно, не будем вспоминать прошлое и давай возвращаться на кухню. Судя по шуму, он там моет посуду.

Он действительно вымыл тарелку и, увидев их, быстро вытер мокрые руки о теперь уже свой свитер. Его лицо ничего не выражало. Темно-карие с бархатной поволокой глаза смотрели спокойно и без интереса.

– Давайте вместе пить чай, – с преувеличенной бодростью предложила Аня и, не дожидаясь ответа, достала из буфета третью чашку и сахарницу. – Александр...

– Лучше Саня, – перебил он ее. – Извините, но мне так привычнее.

– Саня так Саня, – прикрыла собой мгновенно ступежавшуюся подругу Люся. – Итак, Саня, у нас к вам деловое предложение. У Ани, ее, кстати, Анна зовут, а меня Людмила – ну это так, на всякий случай, вдруг вам будет интересно. Так вот, у Анны есть зимний дом в Репино, и, если у вас нет каких-либо планов на ближайшие полгода, вы бы не могли там немного пожить и заодно его охранять?

– Неожиданное предложение, – с видимым трудом выдавил он из себя после минутного молчания. – Вы меня не знаете...

– Вы себя тоже не очень хорошо знаете, – возразила Людмила. – Не могу сказать, что я в восторге от этой идеи, но, возможно, она и не так плоха, как кажется на первый взгляд. У вас будет крыша над головой. Раз в неделю мы будем привозить вам еду и все необходимое. Кроме этого, мы будем платить вам зарплату – пятьсот рублей в неделю. Но никакого алкоголя, наркотиков, друзей вашего круга и, соответственно, дам.

– Я не пью, – хмуро глядя в пол, произнес Саня и сразу, чтобы его не успели перебить, добавил, – и не употребляю наркотики. И еще, у меня, как вы изволили выразиться, «в моей среде» нет друзей и женщин, которые были бы мне интересны. Он замолчал и, еще сильнее ссутулившись, едва не уткнулся носом в чашку.

– Это можно расценить, как ваше согласие? – в голосе Ани проскочила жалостливая нотка, за что она тут же получила от подруги пинок ногой.

– Что я такого сказала?! – спросила она одними губами у Люси, бросив на нее взгляд, полный недоумения.

Та в ответ только постучала указательным пальцем себе по лбу, всем своим видом демонстрируя усиливающиеся сомнения в ее умственных способностях, и тут же расплылась в самой доброжелательной улыбке из всех возможных, увидев, что их «рыцарь» искоса с интересом наблюдает за происходящим.

– Вам еще чаю?

Ответом было отрицательное покачивание головой.

– Отлично. Тогда будем считать, что договорились. Саня, надеюсь, у вас нет таких жизненно необходимых вещей, без которых вы не можете обойтись. Я имею в виду, – тут же уточнила Аня, – у вас ничего нет такого ценного, за чем стоило бы вернуться туда... ну, где вы обитали раньше? Надо ли кого-то предупредить, что вы на некоторое время смените место жительства?

В ответ он вновь мотнул головой.

– Тогда вы не будете возражать, если мы немного поколдуем над вашей прической? – предложила Людмила, что-то задумчиво прикидывая про себя. – Дело в том, что моя подруга позиционировала вас своим родителям как брата заведующей библиотекой и писателя, но сейчас, как бы так помягче выразиться, вы несколько не дотягиваете до этого статуса.

– Даже до троюродного? – усмехнулся Саня.

– Никакого...

– Хорошо, ваяйте из меня брата-писателя.

Дважды повторять не пришлось. Анна принесла белую простынь, заодно приказав Дюльсине не высовывать на кухню носа. Реакция, естественно, была абсолютно противоположной. Суэта? И без нее? Кошка сразу стала путаться у всех под ногами, создавая излишнюю суматоху, виснуть на простыне, которой собирались укутать Саню, подбивать лапой мельтешащие перед ее мордой ноги. Люся умчалась к себе, заверив всех, что скоро вернется. Дело закончилось тем, что Аня, стараясь не задеть огромный, распластаный по полу хвост, оступилась и опрокинула миску с водой. Заварившаяся катавасия тут же была озвучена душераздирающим мяуканьем с

последующим выдворением Дульсины из кухни. Вернувшись, Люда застала картину, которая ее совсем не удивила: Дуся, сидя в коридоре, орала дурным голосом, Анна на кухне мыла пол, Саня сидел на стуле, испуганно поджав под себя ноги и крепко прижимая к груди скомканную простынь. «Это только начало», – мелькнуло в голове, после чего она, до этого не верившая во всякие суеверия, на всякий случай незаметно три раза плюнула через левое плечо.

На кухне Люся поставила на стол небольшую сумку и на глазах у изумленной публики с профессионализмом опытного факира начала извлекать из нее разные приспособления для создания мужской красоты: машинку для стрижки с кучей всяких насадок, ножницы, расчески нескольких видов... Она деловито пояснила, что это осталось от ее предыдущих мужей.

– Это все, что от них осталось? – уточнил Саня, с ужасом чувствуя, как вокруг его шеи тугой петлей затягивается простыня.

– Смешно. Ха-ха-ха. – И Людмила хищно клацнула длинными узкими браншами ножниц над его ухом. – Нет, не все, еще осталась электрическая бритва. Итак, пациент, извините, клиент, рекомендую вам не шевелиться. Хотя уши и парный орган, и с одним из них тоже неплохо живется, все же советую не экспериментировать: с двумя оно все-таки привычнее. Ассистент – зеркало!

Анна тут же умчалась в комнату за требуемым предметом, Дуся же от командного голоса Люси перестала орать и удрала на свое место – за портьеру. Через минуту на стол было водружено большое зеркало с почерневшей по бокам амальгамой – наследство все той же, единственной и любимой, тетушки.

– Сэстра, сдэлай музыку погромче, – имитируя кавказский акцент, произнесла Люся и храбро оттяпала огромную прядь волос. Саня сидел, крепко зажмурив глаза, безропотно смирившись с происходящим. – Клиент, как вас стричь? Бокс, полубокс, а-ля Стэтхем или под Гошу Куценко? – продолжала веселиться Люська, при этом не прекращая творить.

– Узнаваемо, – не размыкая рта промышчал Саня, пытаясь сдуть волосы, обильно сыпавшиеся ему на лицо.

– Не суетитесь, клиент, – видя тщетность его усилий, она обмахнула его шею и лицо салфеткой. – Как говорил великий Микеланджело: «Берем кусок мрамора...», мы в данном случае – голову, «и отсекаем все ненужное».

– У меня там все нужное, – попытался возразить «клиент». Но его никто не слушал.

– Будете говорить лишнее, постригу в стиле «шахматной доски».

– Вы так не переживайте, – постаралась разрядить атмосферу Аня, глядя, как ее подруга от излишнего усердия даже высунула кончик языка. – У Люси было два мужа. Она на них руку набила...

– В смысле? – тут же открыв глаза, дрогнувшим голосом спросил Саня. – Люся, вы что – вдова?

– Очень смешно. А вы какой веры? Могу выстричь тонзуру или завить пейсы.

– Я агностик...

– Следовательно, потеря памяти у вас избирательная, и что-то вы все-таки помните! Будем надеяться, не все потеряно. Ну вот, я закончила. Получилось нечто среднее между «канадкой» и «британкой», но вам идет.

Людмила с видимым удовольствием смотрела на творение своих рук.

– Чувствую себя Пигмалионом, изваявшим Галатею. Вам осталось привести в порядок бороду. Возьмите эти ножницы и бритву, на ней насадка, которая создает эффект легкой небритости. Справитесь?

– Да, но зачем?

– У Ани папа – нейрохирург, профессор, а мама – филолог и тоже профессор...

– Люся, – тихо простонала Аня, – остановись, пожалуйста...

– Что значит «остановись»? Если эти блюстители нравственности нагрянут в Репино, а там отдыхает брат твоей заведующей с внешностью Билли Бонса, ты в тот же момент можешь стать сиротой...

– Давайте я лучше пойду... – тихо произнес Саня, пытаясь подняться со стула.

– Сидеть, – дуэтом рявкнули подруги.

– Сейчас все ваши бывшие кудри окажутся на полу, – тут же добавила Анна, – я же полгода это убирать буду...

– Да, конечно, но можно я займусь бородой в ванной, пока вы окончательно решите мою судьбу?

Комментариев не последовало.

Женщины осторожно, в четыре руки, сняли с него простынь, и после того как он удалился в полном молчании, уставились друг на друга.

– Он не Билли Бонс, – наконец выдавила из себя Аня.

– Да черт с ним, с этим Бонсом, главное, чтобы он не оказался Джеком Потрошителем. Ладно, разберемся по ходу. Его надо отвезти, пока мама с девочками не вернулись. Они недавно на танцы ушли, а потом в гости. Мама решила дать мне возможность выспаться после дежурства, а тут ты...

– Ну прости...

– Меньше слов, подруга. Давай быстро здесь уберемся, а то, если она к тебе зайдет, то нам обеим мало не покажется. И твоим сразу доложит. Будет нам с тобой тогда Атлантида и Помпеи в одном флаконе.

Повторять не потребовалась, и, когда Саня вышел из ванной, кухня сверкала хирургической чистотой.

Он оказался лет на десять моложе, чем они предполагали, и это несмотря на седину, пробивающуюся через черноту волос. Резкие, похожие на шрамы, морщины залегли между густыми бровями, а глубокие носогубные складки будто были вырезаны острым резцом скульптора. Аккуратная бородка, спускающаяся от висков, покрывала широкие скулы, впалые щеки и тяжелый подбородок. И еще были небольшие усы, они слегка топорщились, и Саня все время пытался пригладить их рукой. Изменения, которые произошли в его внешности, явно вызвали в нем нервозность и усиливали чувство неуверенности.

Люся с Аней были дамами воспитанными, поэтому не стали вслух комментировать произошедшие с ним разительные перемены. Не то чтобы он сразу превратился в прекрасного принца, но от прежнего образа был сделан решительный рывок в лучшую сторону.

Сборы напоминали экстренную эвакуацию во время стремительно разгорающегося пожара. Саня и Дульсинея, прижавшись к стене, испуганно наблюдали, как женщины метались по квартире, бросая в сумки все, что, по их мнению, должно было пригодиться одинокому мужчине в его вынужденном затворничестве. Когда Анна объявила, что «теперь, кажется, все», у него сложилось впечатление, что в квартире остались только обои и кое-что из мебели.

– Я мигом к себе, только переоденусь. Без меня не уходить! – на ходу приказала Людмила и выскочила из квартиры.

– Вы, Саня, остаётесь на кухне, – тем же тоном, что и Люся, приказала Анна, скрываясь в комнате. – Мне тоже надо переодеться...

– Нелегко тебе здесь, красавица, – тяжело вздохнул Саня, усаживаясь на краешек ближайшего стула и подхватывая на руки жмущуюся к нему кошку. Дульсинея не сопротивлялась, решив про себя, что это далеко не худший вариант, тем более от этого странного человека пахло так же, как и от хозяйки, когда та зачем-то поливала себя в ванной водой.

Внезапно щелкнул замок, и в коридор привычным метеором ворвалась Людмила. Саня от неожиданности подскочил на месте. В его душу начало закрадываться сомнение, постепенно

перерастающее в уверенность: эта доктор иначе передвигаться не может – только бегом. Дульсинея же, впав очередной раз в панику, со всей дури вцепилась когтями ему в плечо.

– Чего сидим? Чего ждем? Быстро все на выход! Дуську с собой не берем... Да, вот вам еще обувь – не босиком же вам по лужам бегать. А то, в чем вы пришли, я уже выбросила... Аня, ты где? А вы берете этот баул... – и внезапно, будто обо что-то споткнувшись, уже спокойнее, осторожно поинтересовалась: «А вы его поднять сможете?»

Он молча, словно пушинку, подхватил сумку-чемодан и выжидательно посмотрел на «командира». Кошка, уверовав, что плечо гостя теперь самое надежное место в доме, прижала уши к голове и усилила хватку.

– Поставьте кошку на пол и выдвигаемся, – тут же скомандовала Людмила и, повысив голос на пару децибел, добавила: – Аньча, мы тебя ждем внизу!

Уже сидя в старенькой иномарке, Люся достала из бардачка антибактериальные салфетки и протянула их Сане.

– Протрите плечо. Дуся вам его до крови поцарапала... Ну наконец-то явилась, – прокомментировала она появление Анны, – не прошло и сто лет... Ключи, телефон, карточки – ничего не забыла?

И не ожидая ответа от впавшей в задумчивость подруги, крутанула ключ в замке зажигания. Машина рванула с нездоровым энтузиазмом застоявшегося в стойле иноходца. От неожиданности Саню вдавило в спинку. Анна, закаленная подобной манерой вождения, даже ухом не повела и тут же полезла в свой рюкзак.

– Люся, не помнишь, я газ выключила?

– Ты его не включала, – выходя на крутой вираж, ответила та, резко выворачивая руль, – А вам лучше пристегнуться, – посоветовала она Сане, увидев в зеркало заднего вида, как его кидает от одной боковой дверцы к другой.

Он еще не успел привыкнуть к ее манере вождения, как они, с неприличной скоростью промчавшись по улицам города и пролетев по трассе, миновали баннер с надписью «Репино» и свернули с основной дороги на второстепенную. Второстепенной она была не только по значимости, но и по качеству. Людмила, сбросила скорость до приемлемой и петляя по улочкам, оставила позади едва угадывающиеся за фундаментальными заборами шикарные особняки. Их ждал старый дом в патриархальной, медленно и достойно стареющей части поселка. Здесь не было заборов, если не считать увитые угасающей зеленью, скромные штaketники, зато росли огромные, возрастом не одну сотню лет сосны и ели.

Дом был двухэтажный с мезонином, где первый этаж был каменным, а второй и сам мезонин – надстроенные значительно позже – деревянными.

Созданные талантливым мастером кружева резных ставен и наличников, ламбрекены и вычурные карнизы, идущие по краю крыши, делали дом похожим на сказочный теремок. Венчала это великолепие остроконечная крыша с флюгером в виде рыцаря, держащего в руке развевающийся стяг.

Внутри дома было темно и холодно. Анна щелкнула выключателем, и мягко сверкнула огнями задрапированная каскадная люстра.

– На первом этаже у нас гостиная, – начала Анна краткую экскурсию по дому, – здесь же столовая и библиотека, там, – она махнула рукой в сторону находящейся почти под лестницей плотно закрытой двери, – папин кабинет. Туда заходить очень не рекомендую – это святая святых, там он творит науку... Здесь еще есть пара спален, и дальше по коридору кухня и ванная комната. В семейном кругу мы предпочитаем есть на кухне, в гостиной устраиваем светские рауты, то бишь принимаем гостей, а еще наслаждаемся чтением и общением друг с другом.

На последних словах Люся странно булькнула, подавляя смех, и, перехватив гневный взгляд Ани, тут же скрылась на кухне.

Главной достопримечательностью гостиной были книжные стеллажи. Они полностью занимали две стены и шли от пола до потолка. За их стеклами, покрытыми ровным слоем пыли, плотными рядами томились книги. Между стеллажами, в углу, находился отделанный серым камнем, небольшой и, судя по опалинам, действующий камин; над ним, как дань цивилизации, висела плазменная панель, укрытая небрежно наброшенным полотнищем. Два больших окна были завешены тяжелыми, в пол, портьерами. Одну из стен занимали двери: от спален и ведущая в коридор на кухню. Была еще лестница из потемневшего от времени дерева с гладко отполированными перилами и балясинами, похожими на фигуристые кегли – она мягким винтом уходила вверх, на второй этаж.

Мебель в комнате была массивной и надежной: обширный диван и четыре кресла – два по бокам дивана и еще два у камина. Спинки у кресел были высокие с удобными подголовниками, с широкими сиденьями и развалистыми подлокотниками. Возле каждого высились торшеры с абажурами сливового бархата, с серебристыми шишечками наверху и бахромой по краю. В центре гостиной стоял овальный стол в окружении шести стульев. Вся мебель была тщательно укрыта серыми матерчатыми чехлами.

Над столом, из плафона с витиеватым узором в центре потолка, царственно спускалась огромная люстра, чей контур угадывался из-под тонкой мешковины.

– Одна из спален теперь ваша, – между тем неторопливо продолжала Анна. – На втором этаже тоже спальни – комнаты для гостей, они сейчас закрыты – мы туда убираем все, что нам не понадобится до следующего лета.

– Летом там живут моя мама с девочками, – выглянув из кухни, сообщила Людмила. – Чем лясы точить, лучше бы помогли.

По дороге они заехали в небольшой магазинчик и закупили продукты, из которых, по их мнению, даже среднестатистический мужчина мог что-нибудь приготовить и при этом не умереть от голода или отравления, хотя бы ближайшие пару дней. На кухне Аня включала бытовую технику, по ходу объясняя ее значение, а Люся старалась понятно донести, что и как готовить. Саня безучастно наблюдал за происходящим. После кухни его продолжили знакомить с домом, в частности с «апартаментами», где ему предстояло жить, с подсобными помещениями и особенно с подвалом, где находился газовый котел, обеспечивающий систему отопления дома. Камин в гостиной тоже можно было пользоваться, при этом желательно не угореть самому и не спалить поселок. Дрова для растопки хранились в сарае за домом, но их надо было рубить. Напоследок они оставили ему кучу устных и письменных инструкций, а заодно старый мобильный телефон, предварительно внося туда свои номера и пообещав предупредить ближайших соседей о появившемся жильце-охраннике.

К машине подруги почти бежали. Им предстояло проверить, насколько тщательно они уничтожили следы пребывания «таинственного незнакомца», ведь домой вот-вот должна была вернуться Мариванна с детьми. Ее наблюдательности могли позавидовать Конан Дойль, Агата Кристи и многие другие классики детективного жанра. Если она чего-то и не замечала, то ей об этом «вещало» сердце, а остальное дорисовывала не знающая границ буйная фантазия.

Саня стоял на крохотной веранде, где ажурный, будто игрушечный, навес поддерживали выкрашенные белой краской, хрупкие на вид деревянные колонны. Машина, едва женщины закрыли за собой дверцы, рыкнула двигателем и, тут же рванув с места, исчезла из виду. Пожалуй, ведьмы на метлах передвигаются медленнее, чем эти две странные девицы на заскорузлой, готовой вот-вот развалиться старой таратайке. Он зябко поежился и, словно испугавшись быстро надвигающейся темноты, вернулся в дом и закрылся на все замки. Выключив свет, он подошел к ближайшему окну и, осторожно отодвинув край портьеры, осмотрел улицу. Фонари еще не горели, и из темноты неярко мерцали электрическим светом окошки соседнего дома,

прячущегося за толстыми стволами сосен. Эти желтые пятна были похожи на немигающие глаза невидимого, фантастического животного, и его взгляд не сулил добра...

Анна тем временем звонила Аркадии Сергеевне – ближайшей соседки по даче. В первую очередь она поинтересовалась здоровьем ее и ее мужа, многоуважаемого Платона Петровича. Не дав ей возможности в полной мере изобразить истинную картину их физических и моральных страданиях, она тут же сообщила, что в родительском доме некоторое время поживет родственник заведующей – очень интеллигентный и воспитанный мужчина. Он писатель. Нет, широкой публике не известен и пишет под псевдонимом. Каким? Она понятия не имеет. Ее никогда не интересовала депрессивная литература, тем более с претензией на философствование. Но лучше его сейчас не беспокоить. Особенно по пустякам, так как у него творческий кризис, и с женой проблемы – поэтому ему необходимо побыть одному. Да, родители в курсе, и без их согласия она бы ни в коем случае не осмелилась его пригласить. И у них все хорошо. Она просит прощения, что не смогла зайти: абсолютно не было времени, но они с Людмилой приедут через пару дней навестить «отшельника» и обязательно поговорят обо всем подробно.

– Еще немного, и ты придумала бы ему родословную от Рюриковичей, – прокомментировала Люся состоявшийся разговор и так вывернула руль, что колеса левого борта едва не потеряли сцепление с дорожным покрытием.

– Это было здорово, – восхитилась Аня мастерством ее вождения, – но давай на выражах поспокойнее. Очень хочется попасть домой не только живой, но и целиком... И возвращаясь к нашему «неизвестному писателю», ты не можешь не согласиться – он непрост. Вряд ли имеет отношение к Рюриковичам, хотя кто знает...

– Аня, в любой ситуации главное – вовремя остановиться. Оптимизм тоже должен иметь границы, иначе он становится шизофренией.

Но та ее уже не слушала. Она звонила «писателю». Когда он наконец взял трубку, то ему понадобилось определенное время, чтобы понять, о чем идет речь. Аня кратко изложила основные пункты биографии, которых ему стоило придерживаться во имя их общего благополучия. Они не привели в восторг новоиспеченного гения, но других вариантов не было. Его просто поставили перед фактом.

Анну переполняло гордое чувство исполненного долга, и Люсины комментарии о ее умственных способностях, а также умения находить приключения не только на свою голову, но и на головы других, она сочла необъективными. Подобные тирады она слышала не первый раз и, в чем ничуть не сомневалась, – не в последний.

– Люся, ты хочешь все бросить? – прорвалась она сквозь обличительный поток и в задумчивости замерла над рюкзаком.

– Что ты имеешь в виду под «все»? – удивилась Люся, сбавляя скорость и плавно вливаясь в поток движущихся машин. И тут же сама ответила на вопрос: – Если ты о таинственном писателе, что остался в ваших хоромах – то да. Мы ничего о нем не знаем. Да, еще забыла тебе сказать: у него на голове грубый рубец странной полукруглой формы – от левого уха через область затылка к темени. Удар, видимо, был сильный, и при этом ему не оказали квалифицированной медицинской помощи. Если бы на рану вовремя наложили швы, шрам был бы другим. Это в какой-то степени объясняет потерю памяти... Удивительно другое: как он выжил после такой травмы? А вдруг он состоит в какой-нибудь бандитской группировке, и его пытали?... Аня, что ты все ищешь в этом рюкзаке?

– Ключи! – радостно сообщила та, доставая заветную связку и перекладывая ее в карман куртки. – А насчет бандитов... Так сейчас не девяностые с утюгами и стрелялками. Сейчас время интеллектуальных преступлений. Он производит впечатление неглупого человека. Возможно, у него есть образование...

– Ужас, что делает библиотека с нормальными людьми! – восхитилась Людмила. – Хотя стоит ли удивляться после Рюриковичей ...

Домой они успели до нашествия «детёнышей» во главе с бабушкой.

В узких джинсах, широком свитере, кроссовках, с огромной кожаной сумкой и ремнем, переброшенным через плечо, Мариванна напоминала забывшего о возрасте тинэйджера – при этом ей удавалось не выглядеть смешной. Зайдя к Ане, чтобы угостить ее купленными по дороге пончиками, она еще в дверях полюбопытствовала, зачем понадобилось мыть квартиру гелем для душа, потому что теперь здесь пахнет как в парикмахерской.

Анна, ничтоже сумняшеся заявила, что Дульсиня опрокинула плохо закрытый флакон, и тут же получила от Мариванны по первое число за собственную безответственность – ведь бедное животное могло отравиться разными красителями и ароматизаторами. Дуся из комнаты с нескрываемым удовольствием наблюдала, как отчитывают хозяйку. Но ее надеждам на более жесткое наказание было не суждено сбыться: приятно пахнущая сдобой женщина неизвестно зачем поцеловала хозяйку в щеку и скрылась за дверью. Не скрывая плохого настроения, Дульсиня исчезла в комнате, где ее ждали любимые: плотная гардина и теплая батарея.

Сжимая в руке бумажный, благоухающий ванилью пакет, Анна направилась на кухню, но, передумав, на ходу свернула в комнату, где из-под шкафа достала весы. Стрелка, нервно подергавшись, остановилась на ужасающей цифре. Аня выпустила пакет из рук, но это ее не спасло: стрелка, будто заколдованная, прилипла все к той же пусть не трехзначной, но все равно страшной цифре. Тяжело вздохнув, Аня подняла с пола пончики, которые обнюхивала неизвестно откуда появившаяся Дуся, и, задвинув ногой весы обратно под шкаф, пошла ставить чайник.

У Люси в это время кипели страсти. Мариванна, которой в очередной раз вещало сердце, что со старшими девочками что-то не так, усердно пыталась дочь, пытаясь разузнать, какие события произошли, пока они с Оленькой и Поленькой были в гостях. Людмила, закаленная схватками с родственниками своих пациентов, выясняющих «сколько еще осталось их дражайшему», только мило улыбалась, и мультяшно хлопала расширенными от непонимания глазами. Мариванна, осознав, что сейчас навряд ли добьётся чего-нибудь от дочери, решила временно отступить. В конце концов, проигранной бой – это еще не проигранная война. Не сегодня так завтра она все узнает.

Из гостиной загремели звуки кумпарситы. Оленька и Поленька собирались учить маму танцевать танго.

Сначала она подумала, что проспала, а в итоге, поставив ошибочно будильник на час вперед, оказалась на работе раньше всех. Ну почти всех. В главном зале уже стучала шваброй баба Люба, она же Любовь Николаевна, – уборщица с тысячелетним стажем, заставшая, кажется, последних динозавров, если, конечно, это были читающие динозавры. Бросив на Аню полный осуждения взгляд и выдав: «заполошную принесло», уборщица покатила перед собой ведерный комплекс с шваброй, щетками и мусорными пакетами в соседний зал.

Аня тяжело упала на стул за коунтер и включила компьютер. Техника был почти одного возраста с бабой Любой, впрочем, так же как и программы, поэтому все загружалось долго и нудно. Она смотрела в темный экран, с трудом восстанавливая события утра. Четко помнилось: когда она открыла глаза и увидела, который час, у нее промелькнула мысль, что ей уже нужно быть на автобусной остановке. Одевшись и умывшись одновременно, Аня прибежала туда через пятнадцать минут, и подошедшая маршрутка определила не только ее приезд на работу почти на час раньше времени, но и потерю пятидесяти рублей. Если так «кутить» и дальше, от наследства уже к весне ничего не останется, да и с Дусей неловко получилось. Кошка осталась необласканной, ненакормленной и в глубокой депрессии. Теперь Аня знала, чем будет заниматься вечером. Ей предстояли долгие объяснения с Дульсинеей, и, возможно, к

полуночи наступит примирение. Посетившая мысль, что разговоры по душам с кошкой в итоге ни к чему хорошему не приводят и похожи на поведение типичной старой девы, не прибавила ей оптимизма.

Компьютер все еще не отзывался. Она на всякий случай поелозила «мышкой», получив, как и ожидалось нулевой результат. До начала рабочего дня было еще много времени, и сегодня, как в общем и в другие дни, наплыва читателей не предполагалось, поэтому можно было отправиться в «зону отдыха», которую незатейливо называли просто «зоной». Это была небольшая проходная комнатка без окон, одна дверь из нее вела в основной зал библиотеки, а вторая – в подвал и круговой коридор со множеством ответвлений и подсобных помещений. В «зоне» был небольшой стол, накрытый потрескавшейся на углах, в выцветших от времени утятках клеенкой. Там стояли электрический чайник и сахарница, а вокруг стола теснились четыре стула (больше не помещалось). Узкий двустворчатый шкафчик, кое-как втиснувшийся в небольшую нишу, служил для хранения сумок, пакетов и других личных вещей, а на его верхних полках громоздилась разнообразная посуда: от миниатюрной кофейной чашечки, принадлежащей измученной гипертонией Эльвире Петровне, до огромной, литровой кружки бабы Любы – для нее чаепитие было священным ритуалом. Кроме чашек там теснились разномастные фужеры и бокалы (в основном без пары), отдельной стопкой высились тарелки: от блюдец до большого, со сколом по краю, керамического блюда. Над всем этим разнообразием фарфора, фаянса, стекла и керамики неуклюже громоздилась единственная кем-то забытая или оставленная за ненужностью, тяжелая, сделанная из прессованного зеленого стекла салатница.

Заварив кофе, Анна с подозрением дотронулась до гранитной плотности пряника, с незапамятных времен валяющегося в дальнем углу посудной полки, и решила, что она еще не настолько голодна, чтобы ломать зубы об эту окаменелость, но, если «муки голода станут невыносимыми», его можно будет попробовать размочить в кипятке. Хотя, вспомнив результат вчерашнего взвешивания, она решила, что хорошо бы устроить себе разгрузочный день, а лучше неделю, и тут же, прибывая в задумчивости, незаметно для себя положила в чашку пару ложек сахара.

Периодически их женский коллектив начинал бороться за здоровый образ жизни. Все дружно отказывались от сахара, соли и всяких там вредных вкусов. Потом незаметно подкрадывался какой-нибудь праздник или день рождения, и потихоньку все возвращались к пирожкам и бутербродам. Поэтому сахар у них не переводился. Мозг должен работать, а без глюкозы ему никак...

У коунтера, навалившись на стойку огромной грудью, стояла самая постоянная из их читательниц – Скарлетт Альбертовна Неведомая. Вообще-то она была Светланой Альбертовной, но в начале девяностых, «свихнувшись окончательно», поменяла имя. Об этом рассказала баба Люба, когда Аня в первый свой рабочий день столкнулась с Неведомой.

Баба Люба была нескончаемым кладезем знаний не только обо всех сотрудниках, но и практически обо всех читателях, кто появлялся в ее поле зрения более двух раз. Компенсируя дефицит общения дома, она полностью отыгрывалась на работе, иногда доводя сотрудников библиотеки до головной боли. Ей прощали эту словоохотливость и жалели. В молодости, когда ее муж таинственным образом исчез, она осталась одна с маленьким сыном на руках. Забросив помыслы о высшем образовании и личной жизни, она, вкалывая на три ставки, полностью посвятила себя ребенку. Тот вырос отменным оболтусом с весьма хлипким телосложением и таким же здоровьем. Кое-как закончив школу, он стал потихоньку спиваться, иногда находил работу, но долго нигде не задерживался, уходя в очередной длительный запой. Сейчас ее сыну было чуть за сорок, он страдал циррозом печени, и по прогнозам врачей жить ему оставалось совсем немного. Любовь Николаевна никогда о нем не рассказывала, так же как и о себе, но все знали о ее трагической судьбе. Женский коллектив – здесь ничего не утаишь.

– Душечка, Анечка, – тяжелым грудным голосом произнесла Скарлетт, – вы не в курсе, Светлана Владимировна сегодня будет?

– Не будет, – пророкотала откуда-то из глубины зала баба Люба, – на совещании она сегодня. До вечера ее не будет. А потом у нее встреча с каким-то новомодным писателем. Так что вы завтра приходите.

– Вот же препротивная бабка, – доверительным прошептала Скарлетт и, набрав побольше воздуха в грудь, рявкнула со всей мощи своих легких.

– Спасибо, Любовь Николаевна.

Звуковой волной Анну едва не смело со стула. Ей показалось, а может, это было и вправду, что качнулись ближайшие стеллажи, а в окнах зазвенели стекла. Компьютер, внезапно выйдя из глубокой комы, мигнул и выплюнул на экран заставку с залитым солнцем пляжем на берегу океана и поэтапно выложил рабочие папки.

Любовь Николаевна была на два года моложе Неведомой, и кто из них «бабка», еще надо было посмотреть, но Аня благоразумно решила промолчать. Скарлетт Альбертовна тяжело вздохнула, и конторка, на которой покоилась ее фундаментальная грудь, угрожающе зашаталась, а комп, странно подмигнув, тут же в очередной раз впал в задумчивость, по-видимому, решая непосильную для себя задачу – грузиться дальше или все-таки отключиться.

– Может, я могу вам чем-нибудь помочь? – с трудом отрывая взгляд от мигающего экрана, осторожно поинтересовалась Анна.

Черная фетровая шляпа с огромными полями и пущенной по ее краю опушкой из какого-то то ли зверя, то ли птицы почти полностью скрывала лицо Скарлетт. Исключением был дряблый подбородок, покрытый редкими седыми волосками, особенно хорошо заметный, когда она пыталась «гордо вскинуть голову». В остальное время складывалось стойкое впечатление, что ее грудь растет прямо из-под шляпы.

– Ну н-н-н-н-е-зн-а-аю, – манерно протянула она и постаралась перегнуться через конторку, при этом ее шляпа плотно легла на грудь, а меховая опушка едва не скользнула по лицу Ани, обдав тошнотворной сладостью терпких духов.

Компьютер не выдержал перегруза и отключился.

– У меня есть тайна, – Неведомая откинулась назад, чтобы посмотреть на произведенное впечатление, и, по-видимому, удовлетворившись гаммой эмоций на лице «полусонной библиотекарши», продолжила почти интимным тоном:

– Я, милочка живу одна... Н-н-но у меня есть племянница... О, вы даже не представляете...

И здесь Аня отключилась (в переносном смысле), задумавшись о том, что еще пара натисков со стороны Неведомой – и тогда она умрет или от атаки удушливого парфюма, или коунтер «падет», и тогда ее ждет смерть под его обломками. Но еще важнее было: что с компьютером? Дальше заставки дело не пошло, и это наводило на грустные размышления.

.... – Нет, Анна Ильинична, вы можете себе представить?! – повысив голос, Неведомая вернула ее к действительности.

– У меня просто нет слов, – Аня тут же включилась и изобразила умеренное возмущение, стараясь не переборщить с эмоциями. Ответ был нейтральным, так как она абсолютно не представляла, о чем идет речь.

– Спасибо за понимание, – «шляпа с грудью» в очередной раз волнительно колыхнулась. – С вами, Анна Ильинична, так приятно общаться. Это такое редкое явление в наше время...

– Вы очень тонкая натура, – в ответ бухнула Анна тяжеловесным комплементом и, решив, что не будет лишним, сочувственно добавила: – Вам надо беречь себя.

– Ах, как вы правы, как правы...

Еще немного, и, казалось, Неведомая заплачет от умиления. Анна сразу оценила степень новой опасности. Габаритная дама весом почти в центнер одной слезой не обойдется, а так

как Анна не испытывала желание утонуть в их потоке, то решила сменить тему, предложив ей свой остывший кофе. Скарлетт жадно цапнула чашку, и та мгновенно исчезла в ее руке. Массивные серебряные перстни на сжатых пальцах, сливаясь в единое целое, создавали впечатление тяжелого кистеня, украшенного полудрагоценными камнями, что придавало кулаку угрожающий вид.

– Мне нужен Гоголь, «Мертвые души». – В возникшую паузу вклинился подошедший к стойке прыщавый подросток с выстриженными висками и куцым хвостиком на затылке. Он протянул пластиковую читательскую карточку и, забыв закрыть рот, с бесцеремонностью, свойственной подросткам, уставился на Неведомую. Анна в сердцах пнула коунтер, и комп, вздрогнув, проснулся, заурчал процессором и без надрыва открыл нужную программу. Файл юноши сообщал о том, что молодой человек давно числился в должниках.

– Александр Юрьевич, вы держите «Преступление и наказание» уже больше полу года.

– Какое преступление? – растерялся юнец и, с видимым трудом оторвав взгляд от Скарлетт, отчаянно краснея, заморгал воспаленными веками.

– Достоевского Федора Михайловича.

– А, Достоевский, так я его еще не дочитал, а Гоголь мне нужен для изложения. Оно у нас завтра.

– Хорошо, – тут же согласилась Анна. – Если у вас завтра изложение, это совершенно меняет дело. Сейчас я вам принесу. Подождите, пожалуйста, пару минут.

Примчавшаяся на подмогу вечно опаздывающая Зиночка сияла, как умытое росой майское утро. Радостно со всеми поздоровавшись, она встала за конторку, демонстрируя полную готовность к любым испытаниям, в том числе и к работе. Аня, ответила вежливой улыбкой голодного крокодила и, предупредив, что ей нужно в запасник, вышла из зала.

Запасник находился в подвале и представлял собой достаточно большое помещение казематного типа, то есть с одним полуслепым окошком под низким потолком и весьма скудным освещением. Здесь поддерживался (во всяком случае, так считалось) постоянный режим температуры и влажности, но это были еще не все плоды цивилизации. Особую гордость вызывали металлические мобильные стеллажи – подарок какого-то спонсора и предмет слепого обожания заведующей. Полки и ящики стеллажей пустовали, но их наличие придавало особый смысл существованию библиотеки – это была ее гордость, соизмеримая с национальным достоянием. Особняком стояли несколько обветшавших, готовых в любой момент рассыпаться деревянных стеллажей – здесь лежали поступившие и еще не разобранные книжные новинки. Отдельно у самой стены высился старый, с отломанными дверцами книжный шкаф – там складывали книги и журналы, предназначенные для утилизации. Потрепанный темно-зеленый томик Гоголя с наполовину оторванным корешком стоял в глубине второй полки. Прочитав книгу и убедившись, что там не хватает большого количества страниц и списание оправдано, Аня утвердилась в правильности своего выбора.

Александр Юрьевич времени понапрасну не терял: он занимался маникюром – обкусывал ногти. Похоже, что сам процесс и получаемый результат вызывали у него чувство истинного удовлетворения.

Едва сдерживая накативший приступ брезгливости, Анна протянула ему книгу, на что «грызун», невнятно пробормотав то ли спасибо, то ли до свидания, а, возможно, то и

другое, сунул томик в рюкзак и отправился познавать высокое.

– Зачем? Зачем вы дали ему Гоголя?! – возмущено заволновалась Неведомая. – Он же никогда не будет его читать. У него интеллект древесной улитки!

– Скарлетт Альбертовна, насчет улитки не знаю, но вы правы в том, что юноша действительно не будет читать Гоголя, более того, он даже на титульный лист не посмотрит. Если он

ознакомится с кратким содержанием поэмы где-нибудь в интернете, это уже можно считать удачей. Завтра или послезавтра он выложит книгу на парту, чем вызовет слезу умиления у преподавателя и получит свою заслуженную тройку за то, что, хотя бы взял книгу в руки. Он никогда не вернет ее в библиотеку, так же как и «Преступление и наказание», поэтому я ему выдаю то, что предназначено для списания и утилизации.

– А как часто у вас проводится утилизация? – Скарлетт внезапно потеряла интерес к нерадивому представителю юного поколения и, вздрогнув опушкой, задрала голову так, что стал виден многоступенчатый подбородок.

– Ой, да сейчас раз в год, – вступила в разговор скучающая от безделья Зиночка. – К концу календарного года все подчищаем и сдаем. Раньше каждый квартал было, потом раз в полгода, а теперь читают меньше и книги дольше держаться.

– Ну да, ну да. – В такт качнулась шляпа. – Жаль, что Светлана Владимировна на совещании, придется зайти завтра. А сейчас дайте мне почитать что-нибудь свеженькое. Только без всяких философских заумствований о смысле жизни, и чтобы никакого там кухонного реализма о тяжести бытия и душевных страданиях. В жизни, знаете ли, и так этого хватает. Хочу отдохнуть, получить положительные эмоции, так, чтобы и посмеяться, и чтобы детектив был, и любовь, и обязательно хороший финал.

– Этого у нас сколько угодно, – Зиночка, почувствовав себя востребованной, радостно подхватила и помчалась к ближайшим стеллажам.

Вернулась она достаточно быстро, держа в руках несколько тоненьких книг карманного формата в ярких мягких обложках.

– Пришли совсем недавно. Мы их только в каталог внесли. Вот «Убийство днем под звездами», «Во всем виноват дворник», «Труп в сундуке», еще «Разбитое сердце Афродиты». Это то, что вам нужно...

Неведомая довольно качнула шляпой и, сграбастав все в гобеленовую сумку, соизволила откланяться. Глядя ей в спину, Анна подумала, что сейчас Скарлетт напоминает памятник Екатерине II перед Александринским театром – громоздкая и величественная. Решив, что от голода в голову лезет всякая ерунда, она оставила Зиночку на боевом посту и направилась в «зону» с решительным намерением все-таки выпить чего-нибудь: чай, кофе

или просто воду – все равно, главное, чтобы горячее и сладкое. В душе теплилась надежда,

что и окаменевший пряник еще никто не сгрыз. Сейчас он будет весьма кстати.

На столе стояла тарелка с бутербродами: два с колбасой и два с колбасным сыром. Она сглотнула слюну – это получилось неприлично громко.

– Я вам там оставила поесть, – произнесла появившаяся в дверном проеме баба Люба, – а чай или кофе сами себе сделайте. Где это видано: ни свет ни заря на работу, как на пожар?

И не слушая благодарностей, она вышла, продолжая что-то недовольно бурчать себе под нос.

Во второй половине дня скудный ручеек читателей и вовсе иссяк. Две пенсионного возраста дамы забрели к ним по пути из продуктового магазина (из пакетов виднелись батоны и всякая снедь), спросили Джейн Остин, но она был на руках, и они удовлетворились Диккенсом и Голсуорси. Рабочий день понемногу шел к своему логическому завершению. Зиночка шенячьим взглядом начала заглядывать ей в глаза и невнятно лепетать, что ночью соседи гуляли и она не спала... и завтра она «чесслово» тоже отпустит Аню пораньше. Та, уверенная, что в бессоннице Зиночки виноваты далеко не соседи, махнула рукой, отпуская ее на все четыре стороны.

Зиночка была замечательным, добрым человечком, неизвестно каким образом попавшим в библиотечное дело. Она патологическим образом мечтала выйти замуж. Ее романы начинались страстно, развивались стремительно, заканчивались быстро и преимущественно горькими

слезами. Вывод, что все мужики сволочи и никому нельзя верить, к которому она приходила, испарялся сразу, как только на горизонте появлялась новая половозрелая особь мужского пола. И все повторялось сначала. Сейчас Зиночка находилась в самом разгаре страстей, и любое море ей было по колено, а весь мир был окрашен в радужные цвета, хотя в последние годы это сравнение звучало все более и более двусмысленно.

Баба Люба ушла еще раньше, и Анна, оставшись одна, выглянула в холл, где рядом с еще не работающим гардеробом сидел охранник и, попивая чай, с увлечением читал детектив в глянцевого обложке. Она вернулась в зал, выключила основной свет и поудобнее устроилась в глубоком читательском кресле. Интересно, как там этот Саня, а еще интереснее посмотреть на реакцию мамы с папой, если бы они узнали, что в их имении живет личность без определенного места жительства, но со странным шрамом на голове и амнезией. И тут на память пришло, как она знакомила их с простым школьным учителем истории. Оба родителя тогда уже получили профессорские звания, и они все вместе еще какое-то время жили в трехкомнатной квартире обычного панельного дома в спальном районе, и как тогда было здорово и весело. На праздники к ним всегда приходили гости, или они всей семьей в одночасье могли безоглядно рвануть на другой конец города и гулять там всю ночь напролет, особенно если впереди ожидалась выходные. Но потом умерла бабушка Медея. Ей было сто лет и несколько месяцев. В наследство она оставила своей дочери, ее матери, трехкомнатные апартаменты на Никольской площади, по помпезности сравнимые с филиалом Малого Эрмитажа. Бабушка была легендарной личностью, оперной дивой. Она царила не только на ведущих подмостках мира, но и дома. Дед, не выдержав постоянного давления властной натуры, исчез в неизвестном направлении ровно через год после свадьбы – его дочери тогда было два месяца отроду. В связи с таким предательством он был предан анафеме. Имя деда и какие-либо воспоминания о нем в доме были запрещены под страхом смерти. В незапамятные времена своей молодости Медея Юлиановна исполняла ведущие партии в «Мариинке», выступала в «Ла Скале», пела дуэтом с тогда еще совсем юным и находящимся в самом начале пути к славе Лучано Паваротти – хотя вполне возможно, это была только красивая семейная легенда, которую никто не смел оспаривать, а тем более проверять. Бабушка так и не приняла зятя «плебейских кровей» и, соответственно, внучку – «полукровку». Медея Юлиановна не скрывала своего непонимания, как ее «такая красивая, утонченная, благородных кровей» дочь отказалась от блестящей партии (то ли будущего дипломата из очень хорошей семьи, то ли физика или химика, который обещал в недалеком будущем стать Нобелевским лауреатом, естественно, тоже из высших слоев) и внезапно вышла замуж за студента-медика, который мало того что приехал из тьмутаракани, так от него еще «постоянно пахло формалином и какой-то ядовитой гадостью». Но даже не это было самым страшным: бабушку ужасало, что новоиспеченный зять не отличал Шуберта от Чайковского, подразделяя музыку на «нравится» и «не нравится», то же относилось к живописи, архитектуре и литературе.

Отца не спасло профессорское звание и положение ведущего специалиста в области нейрохирургии. Теща переносила его с трудом и старалась при малейшей возможности избегать «контактов третьей степени», до минимума сократив свои посещения «заблудшей» дочери и не приглашая их к себе – исключением были дни ее рождения... и только юбилейные даты. Первый раз она увидела внучку, когда та пошла в школу. Оглядев Анечку с ног до головы, она не задумываясь вынесла вердикт: «вся в отца», «яблоко от яблони...» и «от осинки не родятся апельсинки». Пройдясь фольклором по родственным связям, теща практически забыла о ее существовании, но с дочерью общаться продолжала, с профессиональной стойкостью большой актрисы делая вид, что ничего такого в их жизни не произошло и у каждого есть свои маленькие слабости, на которые, если их нельзя исправить, можно смотреть сквозь пальцы. После ее ухода из жизни и вступления в права наследования родители переехали в бабушкины хоромы, оставив «спальник» в полное распоряжение Ани. Переезд в исторический центр города стран-

ным образом повлиял на их характер, особенно мамин. Появились снобизм и высокомерие, и поэтому школьному учителю было отказано жестко и безоговорочно. Аня попыталась взбрыкнуть, мама в ответ выдала сердечный приступ и кардиореанимацию, с комментариями, что они будут строить свое семейное счастье, танцуя на ее могиле. Учитель не был готов взять на себя такую ответственность и тихо исчез из поля зрения аристократического семейства. Позже из «достоверных источников» Анна узнала, что он страдал недолго и через полгода женился на преподавательнице биологии из той же школы, и та, уйдя в хронический декретный отпуск, каждые два года рожала ему по ребенку.

Интересно будет посмотреть на мамину реакцию, когда она узнает, кого в действительности их «непутевая» дочь пригрела в родовом гнезде (Медеи Юлиановны на них нет, уж она им бы доходчиво объяснила, в кого Анечка такая уродилась). И что это вовсе не страдающий от семейных неурядиц писатель, а владеющий боевыми искусствами бомж, у которого еще и проблемы с головой. Словом, типичный маньяк. От выстроенной логической цепочки с последовавшим выводом ее глаза не только распахнулись сами собой, но и чуть не выпали из орбит. Перед Аней во всей красе развернулась картина сгоревшего дома, где над руинами одиноко возвышается обугленный флюгер, а вокруг пепелища толпятся пожарные и полиция. От удивленного ее бросило в холодный пот, и, схватив мобильный, она судорожно набрала его номер. Трубку долго не брали, затем, когда она уже в панике была готова выпрыгнуть в окно и бежать на своих двоих в сторону Репино, раздалось приглушенное: «Алло?»

– Саня, добрый вечер, – сдержанно произнесла она, старательно прислушиваясь, не звучит ли где-то фоном пожарная или полицейская сирена. – Как вы устроились?

– Спасибо. Можно воспользоваться вашей домашней библиотекой? Кажется, раньше я очень любил читать... «Перестать читать книги – значит перестать мыслить». Откуда это?! – В его голосе явственно прозвучал испуг.

– Это Достоевский, Федор Михайлович...

Люда не проспала, более того, она проснулась на полчаса раньше зазвонившего будильника, между тем все равно на работу опоздала.

Вначале Поленька, закапризничав, отказалась есть кашу – и выяснилось, что у нее температура. Горло было покрасневшим, но не катастрофично, сыпи нигде не было, живот не болел, в легких чисто. Люда объяснила перепуганной насмерть бабушке, что это банальная простуда: первые дни в детском саду идет обмен флорой, в том числе и патогенной. Ничего страшного в этом нет. Она в деталях рассказывала, что происходит с ребенком, одновременно выкладывая из аптечки необходимые лекарства и попутно объясняя, что можно давать Поленьке, а что необходимо принимать самой, а также предостерегая маму, что если она будет так пугаться по всяким пустякам, то ей самой понадобится серьезная помощь, и в уже условиях стационара. Мариванна мгновенно «оглохла», заявив в ответ, что нечего ее запугивать, мол, ей и так страшно. Люся решила не вступать в дебаты, по опыту зная их бесперспективность, напомнила о необходимости вызвать из поликлиники врача, ведь без справки их потом в садик не пустят, и позвонить, если что-то будет беспокоить, и отчитаться по итогам визита врача – в обязательном порядке.

Затем она вплотную занялась Оленькой. Та под шумок размазала свою порцию каши по столу, а заодно и по себе. Несмотря на бурные протесты, она была вновь помыта и переодета, после чего самой Людмиле тоже понадобилось умыться и переодеться. А время неслось вперед. Выскочив из дома и держа под мышкой брыкающуюся и визжащую от удовольствия Оленьку, к машине она мчалась бегом. Усадив дочь в детское кресло и пристегнув ремнем, вытащив у нее изо рта большой палец и пообещав сегодня же намазать кое-кому горчицей не только все пальцы, но и кое-что еще, Люда включила зажигание.

Первое, что бросилось ей в глаза, – ярко светящийся значок бензоколонки и стрелка, нервно дрожащая рядом с красной чертой: бензин был почти на нуле. Вчера, возвращаясь из Репино, они так спешили, что она не обратила на это внимания, и теперь машина могла заглохнуть еще на пути в садик. Выхватив Оленьку из креслица, Люся вприпрыжку помчалась на автобусную остановку. Увидев, что из-за угла вынырнул автобус, она прибавила скорость, когда же он притормозил на светофор, где загорелся красный свет, Людмила сделала невозможное – последний рывок, достигнув остановки одновременно с автобусом.

– Еще немного, и вы бы его обогнали, – произнес кто-то из пассажиров.

В ответ Люся смогла только мотнуть головой. Если бы она сейчас открыла рот, сердце, бьющееся в горле с частотой двести ударов в минуту, выскочило бы и поскакало по салону, убегая от своей безумной хозяйки. Отдышавшись к следующей остановке и неоднократно переходя от состояния полного отчаяния до неудержимой злости на собственную безалаберность и безответственность, она вновь возвращалась к отчаянью, это длилось пока не нашелся мобильный, причем в самом неожиданном месте – в рюкзаке у Оленьки. Люся даже не стала ломать голову, пытаясь придумать хотя бы одну достойную причину того, как он туда попал, и набрала номер Софии Тимофеевны. Та приходила на работу раньше всех и уходила позже всех, будучи в том возрасте, когда все вокруг признают опыт, знания и мастерство, но некоторые уже позволяют себе двусмысленные ухмылки за спиной и потихоньку готовят почву для торжественных проводов на заслуженный отдых.

– Софья Тимофеевна! – едва ей ответили, быстро заговорила Люся, активно пробираясь к выходу, тараня попадающие впереди спины и ощущая, как сумка (позиционируемая как дамская) и Оленька своей тяжестью вот-вот оторвут ей руку. – Я опаздываю. Поля заболела, Олю везу в сад, а в машине бензин закончился...

– А в остальном, прекрасная маркиза, надеюсь, все хорошо?

– Все ол райт, Христофор Бонифатьевич.

– Тогда мы тебя ждем, – мобильный хохотнул сипловатым голосом и отключился.

В этот момент Люся, протиснувшись в открывшуюся дверь, выскочила из душного автобуса и со скоростью, которой бы позавидовал преследующий добычу голодный гепард, помчалась в сторону детсада.

Сдав дочку воспитательнице и выскочив на улицу, она поклялась себе, что на следующий год постарается найти что-нибудь поближе – заранее зная, что ничего такого делать не будет. И не будет по двум причинам. Первая – это то, что в саду, который расположен в их дворе, очередь расписана до начала следующего века, а вторая – Поленьке на следующий год в школу, а там рядом как раз очень приличная гимназия и предпочтение отдадут тем детишкам, кто посещал именно тот садик. Надо просто вовремя заправлять машину и тогда не придется скакать раненым в пятую точку сайгаком из одного автобуса в другой. Хотя... Сайгак? И в автобусе? Так, не до пустяков – впереди ждали автобусы и пересадки, и именно сегодня неожиданно пришли первые заморозки, а одета она была легко – для машины. На финише ее состояние соответствовало начальной стадии обледенения, но первые минуты общения с коллегами помогли ей не только согреться – ее бросило в жар.

В ординаторской вместо традиционного «доброе утра» на Люду обрушилась новость, что ее вычеркнули из «премиального списка» за летний квартал. Именно сейчас, когда они все пахали до кровавого пота, а она, как мать двоих маленьких детей, имея полное право на отпуск в летнее время, внемля мольбам руководства, что без нее никак, и их обещанием молочных рек с кисельными берегами – в материальном эквиваленте, согласилась остаться да еще взяла на дополнительные полставки кучу ночных дежурств. Бурлаки на Волге по сравнению с ней выглядели отдыхающими в Египте. В итоге дети провели лето в Репино с мамой, а она даже на выходные не могла к ним съездить, потому что у нее просто их не было: то дежурила, то валилась с ног после дежурства. Результат – большое человеческое спасибо. А ей нужны

были деньги... Мать принимала дорогие сердечные препараты, девчонки росли – и если Оленька за Поленькой кое-какие платья еще могла донашивать, то обувь... А машина?! Купленная буквально за копейки, она оказалась непомерно дорогой в содержании... А бензин?! Конечно, можно попробовать продать. Но без нее никак... Да и кто ее возьмет? Кому нужен такой утиль?..

Заведующий отделением Илларион Илларионович (в кулуарах сокращенный до Илария), безобидный в своей серости и никчемности, неизвестно каким образом попавший в это кресло и неизвестно каким образом державшийся в нем в течение двух десятков лет, опустив глаза в пол, бормотал что-то невнятное о «неприятном инциденте», произошедшем в конце августа и повлекшим жалобу на двух листах. На беду клиники, «пострадавший» оказался влиятельной шишкой и теперь требовал расследования случая «вопиющего хамства» со стороны дежурного доктора, а именно ее «крови» и в большом количестве. Учитывая наличие двух малолетних детей, конечно же, уволить ее не имели права, но намекнули, что будет лучше, если она уйдет сама, а руководство поможет с трудоустройством. С ее квалификацией – это будет нетрудно.

Люся молчала, а Илларион Илларионович все говорил, говорил и говорил. И опять звучали обещания молочных рек и кисельных берегов, и так далее, и так далее, и тому подобное.

– Плавали – знаем, – прервала она его на полуслове.

– В смысле «плавали – знаем»? – растерялся Иларий. – Вы это о чем?

– О своем, о девичьем. Где я могу ознакомиться с жалобой?

– На пятом этаже. У секретаря. Там ксерокопия – можете взять себе...

– Душевно благодарю...

Иларий еще немного помялся: то ли хотел что-то добавить, то ли спросить, а может, еще что, но ей было неинтересно – она разговор закончила.

На административный этаж она поднималась по лестнице – медленно. Здесь можно было не спешить. Куча бесперебойно работающих лифтов позволяли без длительного ожидания попасть на нужный этаж, и практически весь персонал клиники, пациенты, посетители, даже если по лестнице было быстрее и удобнее, предпочитали пользоваться изобретением Отиса. Ей спешить не хотелось, тем более туда и по такому поводу.

– Людмила Викторовна, – это вам, – секретарь протянула ей файл с жалобой.

«Краткость сестра таланта». Жалоба занимала одну страницу и была изложена четко, грамотно, без лишних лирических отступлений. Пробежав ее глазами, Люся почувствовала себя настоящим монстром. Вторая страница содержала требования к клинике разобраться и принять меры к тому (то есть ней), кто позорит высокое звание врача и честь белого халата.

– Главный врач ждет от вас объяснительную к двенадцати, – секретарь говорила равнодушно, ни разу не оторвав взгляда от экрана компьютера. Жалобы, объяснительные, приказы – ежедневная рутина.

Остановившись на лестничной площадке между третьим и четвертым этажами,

Люся прочла, а затем перечитала все еще раз. Память без усилий восстановила тот день, а скорее ночь, инцидента. Первое, что вспомнилось, – это удушливая жара. Все предвещало грозу, и вроде откуда-то издалека доносились раскаты грома, но этим все и ограничилось. Гроза прошла мимо, оставив вместо освежающей прохлады липкую духоту. Ночью возили немного. К утру и вовсе наступила передышка, и именно в это время все и произошло. Вначале привезли сбитого велосипедиста – черепно-мозговая травма, открытый со смещением перелом бедренной кости и какая-то запредельно большая кровопотеря – травматологи и нейрохирурги мчались в операционную впереди планеты всей. Почти сразу скорая привезла впоследствии ставшую притчей во языцах Шорину. Жалобы на «кинжальную боль» в области желудка и клиника «острого живота», диагноз – прободная язва желудка с симптомами внутреннего кровотечения, единственный метод лечения – хирургический. И все бы ничего, но женщина, несмотря на сильнейшие боли, сразу предупредила, что она адепт свидетелей Иеговы, следо-

вательно, никакого переливания крови – даже по жизненным показаниям. И вообще, ей давно ставили язву, и на саму операцию она согласна, а там «на все воля божья». От нахлынувших воспоминаний Люда поежилась.

После этого случая ее часто посещали мысли о людях, которые, узнав о серьезном заболевании, отказываются от помощи врачей, кидаясь на поиски альтернативы, гарантирующей им спасение: травок-муравок, нафталиновых отваров и керосиновых настоек на патефонных иглах, заговоров и наговоров, молитв, которые надо читать по триста тридцать три раза в день три года подряд – при условии, если проживешь, ведьм, колдунов, шаманов, ведущих свою родословную от сотворения мира, экстрасенсов, магов, бабушек и дедушек, которые, щелкнув пальцами, обещают исцеление, абсолютное здоровье и вечную жизнь – при этом не уточняя где. Никто не думает, что уходит драгоценное время, и то, что еще могло спасти жизнь полгода или час назад, сегодня, сейчас уже не в силах помочь.

Но врач – он должен, он обязан исцелять, несмотря на подписанные пациентом отказы и предупреждения о возможных осложнениях, а их, в свою очередь, тоже ни в коем случае нельзя игнорировать, иначе доктору сначала руководство, а потом прокуратура со всеми своими органами сделают такие «ата-ташки», что мало не покажется.

Шорина была именно таким случаем. Люся хорошо помнила возникшее в тот момент желание ударить «свидетельницу» своими руками прямо там, в приемном отделении. Ее, как лечащего врача, при любом раскладе ждал один исход – прокуратура, суд и... «по тундре, по железной дороге...»

«Свидетельницу», подписавшую все возможные и невозможные отказы и согласия, поднимали в стремительно разворачивающуюся операционную, а Люда на полминуты задержалась в приемнике: ей не хватило места в большом лифте, куда вкатили каталку с иеговисткой. Анестезиологи, войдя в вены на обеих руках, уже начали инфузионную терапию. Людмила бросилась к пассажирскому лифту, но здесь ее перехватил терапевт.

Сергей Парамонович – маленький, лысенький, щекастый «колобок» предпенсионного возраста, боящийся всего, даже собственной тени, молитвенно сложив на груди пухлые ладошки, жалостливо причитал:

– Миленькая, родненькая, Людочка Викторовна, спасите! Ваша сектантка все равно обречена, две минуты ее уже не спасут. Там одна поступила... Ты только одним глазком глянь, вам больше и не понадобится, а я все запишу! Я отработаю! Помогите!!!

И она как последняя дура пошла, то есть побежала, на помощь.

В смотровой на кушетке лежало диво дивное, чудо чудное, красота необыкновенная – златокудрая девица. Ее ярко-синие глаза были расширены от испуга, а пухлые, четко очерченные губы капризно искривлены в показном страдании. Черная, в «облипку» майка, оказавшаяся впоследствии «маленьким черным платьем для коктейлей», подчеркивала такие формы, которые природа самостоятельно создать не смогла бы – фантазии не хватило. На бесконечно длинных ногах красовались черные в стразах лабутены с неимоверно высокими каблуками, при одном воспоминании о которых начинала кружиться голова.

Из краткой предыстории, изложенной явно повеселевшим «колобком», она поняла, что в ночном ресторане, уютно расположившемся напротив больницы и не оставляющем без работы их травматологов и нейрохирургов, какая-то девица навернулась на лестнице, и ее на руках принес «ейный» бойфренд, который теперь бьется в истерике, требуя вызвать всех, включая главного врача и министра здравоохранения.

Представив Люсю ведущим хирургом клиники, терапевт попытался тихонечко ретироваться, но она успела поймать его за хлястик халата и заставила присутствовать во время осмотра чуть припухшей лодыжки. Несмотря на надрывные стоны красавицы, никаких симптомов, угрожающих ее жизни, не было. Дав рекомендации сделать рентген голеностопа и ограничить лечение тугой повязкой и местно – холодом, она со всех ног бросилась к выходу из

смотровой. И тут на ее пути, исключая любую возможность покинуть кабинет, вырос огромный, как по Задорнову, «шкаф с антресолями вместо головы».

– И это все?!

– Да, все. Остальное после дообследования.

И понеслось. Особенно жару добавило то, что Люся, пытаясь пробиться к выходу,

И понеслось. Особенно жару добавило то, что Люся, пытаясь пробиться к выходу, старалась объяснить «шкафу», что ей срочно необходимо в операционную и что там сейчас погибает пациентка, которой жизненно необходима хирургическая помощь. Двухметровый гигант весом далеко за сто килограммов колыхал брюхом, выпирающим через межпуповичное пространство, ревел с мощью взбирающегося в гору БЕЛАЗа, потерявшего глушитель. Орал он преимущественно матом и в основном угрозами – вплоть до физической расправы.

Люся работала врачом не первый год и видела многое и разное, поэтому без разбега рывкнула, что если он ей будет мешать выполнять профессиональные обязанности, то она вызовет ОМОН и ему самому понадобится специализированная медпомощь, которую он получит не в их клинике, а где-нибудь в спецприемнике. От неожиданности «мастодонт», попятившись, зацепился за ножку стула и сел на кушетку, прямо на лабутены своей дамы. Раздался жуткий хруст, перекрываемый диким матом уже в исполнении колоратурного сопрано.

Суть самой жалобы состоял в том, что она, Крылова Л.В., оставила некую Козловскую М.И. в условиях, угрожающих ее жизни, и своим поведением спровоцировала получение травмы Мартыновым Н.Н. Теперь этот Мартынов Н.Н. требовал самого тщательного расследования и жесточайшего наказания Крыловой Л.В. вплоть до лишения ее врачебного диплома. Последнее предложение выглядело незавершенным, по-видимому, этот Мартынов Н.Н. хотел, чтобы ее расстреляли или сожгли на костре, но вовремя остановился, возможно, вспомнив, что отечественное законодательство не поощряет призывов к смертоубийству.

Шорину они тогда спасли – убрали большую часть желудка и смогли провести реинфузию крови. Над ней шаманили и колдовали лучшие спецы клиники, и она выжила. Ее выписали через две недели после операции. С гемоглобином шестьдесят и блаженной улыбкой на прозрачном до голубизны лице. На дрожащих от слабости ногах, с призывами обрести истину она отползла к своим братьям и сестрам.

В день ее выписки в отделении с облегчением вздохнули абсолютно все. Должно быть, у нее голова и раньше была не самым сильным местом, а после такой кровопотери и вовсе все стало плохо. За проведенное в больнице время она активно, с фанатичным блеском в глазах пыталась обратить в «правильную, истинную» веру каждого встречного и поперечного, но сил было маловато и на длительные уговоры ее не хватало. Соседки по палате жаловались, одна даже пообещала придушить иеговистку подушкой, но обошлось без криминала, поэтому проходы были дружными и радостными.

Теперь предстояло писать объяснительную. Людмила, вздохнув, набрала номер терапевта. Сергей Парамонович, услышав ее голос, радостно запыхтел в трубку, но, услышав про «лабутены», сразу скис, стал что-то мямлить, мол, много работы, и сейчас ну никак не может говорить и обязательно перезвонит... при первой возможности.

– Ну, что, – поднимая голову от истории и криво ухмыльнувшись, поинтересовалась Софья Тимофеевна, – слился «колобок»?

Прикусив губу, Люся кивнула.

– Шкура, – коротко дала ему характеристику Тимофеевна и вновь углубилась в писанину.

Люся была зла до крайности. Хорошо бы сейчас написать заявление об уходе, швырнуть его на стол, собрать вещи и уйти куда-нибудь далеко-далеко... Но дома Оленька, Поленька и мама... Их надо кормить, одевать, учить, маме нужны лекарства, и еще бензин... надо сегодня заправиться или пораньше встать завтра... Нет, завтра Оленьку вести в садик, а сейчас надо позвонить узнать, как там Поленька...

Мама позвонила первая и радостно сообщила, что все хорошо и температура больше не поднималась, дите носится по квартире и требует то поиграть с ней, то покушать, то почитать, то мультяк посмотреть, то звезду с неба – и сейчас она с ней сойдет с ума. Врач еще не приходил. И еще зачем-то звонил Александр I, спрашивал, когда она будет дома. Радостный визг Поли привел к стремительному завершению разговора.

Александр I был отцом Поленьки и первым мужем Люси. Страстный роман – скоропалительный брак и такой же быстрый и безболезненный развод. Они оба вовремя пришли к обоюдному согласию, что поторопились, и, когда улеглись «африканские» страсти, расстались мирно, без обид и претензий друг к другу. Он исправно платил алименты и помогал в воспитании Поленьки, правда, несколько болезненно воспринял следующий брак и рождение Оленьки – но пережил. Александр II был полной противоположностью первого, хозяйственный до мелочности, педантичный до тошноты, нудный до крайности. И семейная жизнь с ним закончилась еще быстрее чем с Александром I. Второй «бывший» тоже исправно платил алименты, требуя ежемесячный отчет о каждой истраченной копейке. Через три месяца после развода Люся открыла на Оленьку накопительный счет, куда он переводил деньги. Через полгода он его проверил, посчитал набежавшие проценты и сообщил, что в какой-то месяц уменьшит сумму алиментов. Люда тут же пообещала выцарапать ему глаза и разбить его новый форд, а мама поинтересовалась «на каком дне она *это* нашла?» Больше к финансовому вопросу они не возвращались. Александр II являлся к ним каждое воскресенье ровно в двенадцать ноль-ноль, и унылая Оленька ждала его у двери, полностью экипированная для прогулки, с которой они возвращались ровно в четырнадцать ноль-ноль, а дальше все жили спокойно и счастливо до следующего родительского воскресенья.

Решив, что первому перезвонит позже, Людмила села писать нечто захватывающее по содержанию с интригующим названием «Объяснительная». Закончив опус, она протянула его на проверку «третьейскому судье» Тимофеевне.

– Эх, сколько я за свою жизнь объяснительных написала, – водружая на нос очки, сытой кошкой промурлыкала та и углубилась в чтение.

В ординаторской стоял ровный гул, говорили все сразу и в основном о доме, своих близких, о прошедшем летнем отдыхе и о том, что все хорошее заканчивается слишком быстро. Затем разговор, как обычно, вернулся к работе, пациентам, начальству, новым приказам и новым перестановкам в администрации, что бывало уже не раз, и кроме появления нового начальственного лица с огромным окладом и такими же амбициями ничего больше не менялось.

Вердикт Тимофеевны по поводу объяснительной был однозначен: изложенная история производила душераздирающее впечатление, но результатом будет то, что ей, как приговоренной к смертной казни через повешенье, веревку, крюк и табурет предоставят, а вот мыло – нет, ну если только за счет самой приговоренной.

– Ну и славненько, – согласилась Люся. – Люблю помучиться, и, знаете ли, София Тимофеевна, «семи смертям не бывать, а одной не миновать». Но все равно спасибо за участие.

После работы была гонка по магазинам, давка в общественном транспорте, детский сад и снова общественный транспорт, но теперь кроме тяжелых пакетов на ней висела рассказывающая о своих «садиковых» делах Оленька. Это помогло принять окончательное решение: заправить машину необходимо сегодня, только позже, когда схлынет основная масса едущих с работы.

После ужина очень хотелось рухнуть на диван и тихо умереть, но гвалт, стоявший в доме, не давал на это никакой надежды, поэтому, решив из двух зол выбрать наименьшее, она оставила маму на растерзание двум девицам и уехала заправляться.

До бензоколонки оставалось совсем немного, когда неизвестно откуда вынырнула кошка, видимо, решившая, что ей незамедлительно надо на другую сторону и очертя голову бросивша-

яся бежать через дорогу. Удар по тормозам, и как эхо, только сильнее, – удар в багажник. Кое-как отстегнув ремень безопасности, Люся с трудом открыла заклинившую дверцу и вылезла из машины. Результат увиденного позволил сделать однозначный вывод: ее «ласточке» полный кирдык – это была плохая новость, хорошая – она сама жива и целая. Задней части машины практически не было. То есть на самом деле она была, но теперь вся вместе с запаской находилась в салоне. Огромный джип и остатки ее средства передвижения теперь представляли собой единое целое. Разглядывая стихийно возникшую конструкцию, она успела подумать, что это напоминает трансформер из известного блокбастера.

В это время из джипа вылез огромный мужик лет тридцати пяти с окладистой бородой, без которой его можно было бы принять за бойфренда девицы в лабутенах.

– Я прямо притягиваю мутантов, – обреченно пробормотала Люда, доставая мобильный и включая запись на диктофоне. – Сейчас орать начнет...

– Ты, что коза драная, – реванул «мутант», нависая над Людмилой всей массой, – берега попутала? Ты где права купила? Ты знаешь, на какие бабки сейчас попала?

– Вы не соблюдали дистанцию...

– Закрой рот, пока я говорю! Ты, что дура, еще в полицию будешь звонить? Да ты у меня сейчас рядом со своим мусором ляжешь...

Он схватил ее руку, сжимающую телефон, и выкрутил за спину.

Полицейская сирена взревела неожиданно и совсем рядом. Мутант ослабил хватку, но руку не отпустил. Рядом с ними, взвизгнув тормозами, остановилась патрульная машина. Полицейские оказались людьми неторопливыми и весьма нечувствительными к страданиям материально благополучного хама. Они с первого взгляда оценили тот «дружеский» захват, который здоровяк демонстрировал на женщине в два раза меньше его, и безошибочно угадали в нем хозяина джипа. Старший из патруля был тоже весьма габаритным, и то, что он являлся представителем власти, добавляло ему вес.

– Вы даму то отпустите. Мне почему-то кажется, что она вам не родственница и не жена. И документы попрошу, – голосом, не предвещающим ничего хорошего, произнес он, предвзвительно представившись младшим лейтенантом Петровым.

«Мутант», отцепившись от Люси, размахивая руками и горячечно комментируя, как некоторые лахудры покупают права и чем это все заканчивается для порядочных водителей, направился к своей машине. Люда решила, что не ошибется, приняв слова о лахудре на свой счет, а бородатый, естественно, – порядочный водитель, на которого она напала багажником своей «старушки».

– Простите, а вы случаем не доктор? – заглядывая ей в лицо, запинаясь произнес второй патрульный и тут же козырнул. – Сержант Симонов.

– Да, в семнадцатой больнице в отделении второй хирургии работаю.

– О, так это вы с нашего отделения моего друга оперировали. Я вас как в белом халате представил, так сразу и узнал. А мы как раз объезд делали и заодно на заправку заехали. Вы ГАИ уже вызвали?

– Не успела, он не дал...

– Так, вы не волнуйтесь, накиньте на себя что-нибудь и заберите все из машины. Тут бензином пахнет. Как бы ни полыхнуло чего.

Вызывая по рации ГАИ, он направился к хозяину джипа, который продолжал что-то яростно доказывать старшему.

Людмила, решив, что не стоит давиться за лавры Жанны д'Арк – гореть заживо весьма сомнительное удовольствие, – нырнула в салон и, схватив сумку, стала быстро заталкивать в нее всю мелочь, до которой могла дотянуться. С поставленной задачей она справилась быстро и, отойдя от машины на приличное расстояние, набрала мобильный Анны, заодно наблюдая за троицей. Бородач активно размахивал руками, периодически то пятерней тыкая в ее сторону,

то стуча массивными кулаками себе в грудь. Патрульные, не проявляя никаких эмоций, внимательно слушали. Зазвонивший мобильный отвлек ее от момента, когда лейтенант Петров что-то шепнул водителю джипа, и тот вдруг сдулся и затих.

– Ань, привет, я тут в аварию попала. Даже до заправки не доехала. Жива. Здорова. В меня въехали. Короче, машина восстановлению не подлежит. Можешь подъехать? Мне пакетов для вещей не хватает. Все. Жду. Только маме не говори.

Она быстро свернула разговор, так как к ней направлялись резко загрустивший бородач и патрульные.

– Лейтенант Петров, – вновь представился старший. – Господин Илонов, он же отец Даниил, признал свою неправоту и, так как является истинным христианином... Я не ошибаюсь, батюшка? В знак искупления просит принять вас, Людмила Викторовна, материальную компенсацию, а также берет на себя все хлопоты по утилизации того, что ранее было вашей машиной. А еще он обещал никогда не оскорблять женщин и особенно врачей. Батюшка, я ничего не упустил?

– Если Людмила Викторовна сообщит мне номер телефона, я сразу переведу всю сумму и компенсирую моральный ущерб, который я ей нанес, подвергнувшись искушению ярости, – голосом, полным самого искреннего раскаяния, произнес бородач, изобразив благоднейшую улыбку из всех возможных.

Звякнув телефон, сообщив о поступлении денег на счет. Увидев сумму, Людмила тут же пришла к выводу, что она выбрала не ту профессию и, возможно, еще не поздно принять постриг. Хотя нет. Дома ждут Оленька, Поленька и мама.

– Если не секрет, что вы ему сказали? – полусшепотом поинтересовалась у сержанта Люся, пугаясь своей наглости.

– Задали вопрос, о чем сообщить в Священный Синод, на выбор: что мы нашли у него оружие или наркотики? А может, то и другое одновременно?

– Ерунду не городи, – одернул сержанта лейтенант. – Просто сказал, что сообщим о

– Ерунду не городи, – одернул сержанта лейтенант. – Просто сказал, что сообщим о недостойном его сану поведении. О, вон, смотрите, какую деятельность развернул. Уже и эвакуатор подогнал, и с гайцами договорился. Шустряк батюшка...

– Что здесь происходит? Почему нет скорой? Люда, ты ранена? Нет? У тебя точно состояние шока, аффекта, так бывает после аварии – я читала. А потом какая-нибудь гематома головного мозга – и все! Конеч!

Патрульные с удивлением смотрели на ворвавшуюся в их круг взлохмаченную женщину.

– Это Анна, Анна Ильинична – моя подруга, и ее отец нейрохирург, – спокойно пояснила Людмила. – Ань, ты пакеты принесла?

– Какие пакеты? – усмехнулся лейтенант. – Ваша подруга в тапочках на босу ногу прилетела и в домашнем халате...

– Откуда вы знаете про халат? – насупилась Анна, плотнее запахивая пальто.

– Полы видны, у моей жены такой же. Вы бы лучше в такси шли, а то скорая вам понадобится, а не Людмиле Викторовне. А вы, если какие-нибудь накладки будут, – звоните. – Лейтенант протянул ей клочок бумаги с написанными цифрами. – Там мой и Сереги. Если батюшка попытается коленца выкидывать или еще какие проблемы – так вы не стесняйтесь. Чем можем – поможем...

Но Людмила уже не слушала. Сунув бумажку в карман, она схватила Анну в охапку и поволокла ее в сторону призывно урчащего двигателем такси.

– О, как здесь тепленько. А тапочки насквозь промокли – я только сейчас заметила, – сообщила Аня и клацнула зубами. Ответом со стороны водителя было включение печки на максимальную мощность. – Мариванне я все-таки позвонила, сказала, что у тебя двигатель заглох и ты меня попросила, чтобы наличные привезла, мол, пришлось эвакуатор вызвать, а

они карточки не принимают, и ей не позвонила, чтобы не волновать. Девочки спят. И завтра нас ждет...

– Ничего хорошего, – спокойно произнесла Люда.

– ...новая счастливая жизнь, – ее же тоном закончила Анна. – Каждый день – это новая жизнь!

– Или вечная память...

– Люська! Откуда пессимизм?! Сейчас приедем домой, Мариванна приготовит что-нибудь вкусное, хряпнем по глоточку винца – и баиньки. А завтра, вот увидишь, все изменится, и только к лучшему. И вообще, у меня уже несколько дней зреет замечательная идея.

У Люси от недоброго предчувствия сразу просветлело в голове, и учащенно забилося сердце. Анна была из того сорта людей, о которых говорят: «в тихом омуте черти водятся».

Обычно последствия ее «придумок» приходилось расхлебывать им обеим.

– Я уже все продумала, – продолжала Аня с тем же воодушевлением. – Тебе нужна новая приличная машина. И завтра мы ее купим. То есть куплю ее я, а ты будешь на ней ездить по генеральной доверенности. Вот. Как тебе моя мысль?

– Если честно – так себе. Ты хотя бы на секундочку представляешь, сколько может стоить машина и ее содержание?

– Во-первых, я не предлагаю покупать «Мазерати Леванте», а во-вторых, уж извини, содержать ее, девушка, будете вы сами, и бензин тоже, кстати, ваш. Короче, все делим пятьдесят на пятьдесят... ну примерно.

– Ты очень вольно обращаешься с математикой, – заметила ей Люся, – это первое, а второе: я на грани увольнения.

И пока они поднимались в лифте, она коротко и весьма красочно изложила историю с «лабутенами».

– Так именно сейчас новая машина актуальна как никогда: на ней же можно подрабатывать, – Анна ликовала. – Слушай! А что это тогда хрустнуло? Он ей ноги сломал?

– Каблуки... оба... и ими же получил травму мягких тканей ягодиц и... промежности.

– Это было больно, – впад в некую задумчивость, заключила Аня и тут же, восторженно добавила: – Но так ему и надо. Быстро ответочка за хамство прилетела.

– Анна, ты недобрая, – без осуждения в голосе сообщила ей Люся и достала ключи от дома. – Совсем не добрая, но сейчас я на твоей стороне.

Он читал. Сидел по-турецки на неудобном широком диване с высокой спинкой и подлокотниками и читал. Иногда выходил на кухню, чтобы попить воды или съесть бутерброд с сыром или колбасой. Ел стоя, торопясь, будто книга, оставленная им в комнате, уйдет, исчезнет вместе с пахнущим пылью диваном, торшером под бархатным абажуром, дающим такой мягкий, теплый свет, со всем этим домом, и он, переступив порог кухни, вновь окажется на улице – чужой и жестокой. Убрав за собой и тщательно вымыв руки, он почти бегом возвращался на свое, еще хранящее тепло место и вновь углублялся в чтение. Это был другой мир, другая жизнь, все как свежее дыхание, как яркий рассвет после беспробудно-черной ночи, как выздоровление после тяжелой болезни. Саня был счастлив. Уснул он лишь под утро, когда бледное и уже не несущее тепло осеннее солнце, вяло пробиваясь через стволы сосен и деревянное плетение оконных рам, с трудом проникло в комнату. Уронив голову на неудобный подлокотник и поджав длинные ноги к животу, он продолжал обеими руками крепко прижимать книгу к груди. Заплутавший солнечный луч скользнул по зачехленным спинкам стульев, задел край стола, подарил осторожный блик пыльным стеклам стеллажей и, пройдясь по краю спинки дивана, мягко покинул комнату, продолжив свой путь уже с наружной стороны дома. И комната вновь погрузилась в мягкий таинственный полумрак.

Он проспал до обеда, а проснувшись и наспех перекусив, уже не торопясь рассматривал открывшееся ему во всей красе книжное богатство. Многие обложки и авторы казались знакомыми. Доставая книги одну за другой, он пролистывал каждую и с первых глав вспоминал сюжет, героев и финал. Лихорадочно просматривал вещь до конца и, убедившись, что оказался прав, радовался как ребенок. К вечеру от переполнявших эмоций в голове немилосердно гудело и ухало, в ушах был странный гул, и перед глазами периодически появлялась черная пелена, мысли крутились в бешеной круговерти, тасуя всплывающие из ниоткуда изображения, больше похожие на старые помутневшие от времени фотографии, вновь проваливавшиеся в тягучий мрак забвения. Внезапно перед глазами всплыл яркий образ толстощекого, белобрысого, смеющегося во все горло карапуза. Саня пошатнулся, будто от удара. На мгновение ослепнув, он протянул вперед руку, стараясь схватить ребенка, и упал на пол.

– Саня, Саня, – раздался, как сквозь вату, приглушенный женский голос. – Вы живы?!

– Ну, конечно, он жив, – произнес другой голос, тоже явно женский.

– Может, пьян?

– Он не пьет.

– Это он так сказал, а чего ни придумаешь, чтобы произвести хорошее впечатление.

– Ему больше не надо было стараться, он уже и так его произвел.

– Девочки у вас все хорошо?

Аня, вздрогнув, как от удара, рванулась в гостиную и тут же встала грудью на пути Аркадии Сергеевны. Высокая и худая, та была похожа на сухостой с длинными, жилистыми руками вместо ветвей и узловатыми из-за артрита пальцами с ярким маникюром. Тонкие нити выщипанных бровей, от любопытства улетев вверх, остановились где-то у границ волос, собрав кожу лба во множество складок. Очки, чудом державшиеся на кончике носа, готовы были бежать впереди хозяйки. Видимо, вспомнив боевую комсомольскую юность, она рвалась вперед с напористостью ледокола, штурмующего вековые льды.

– У нас все хорошо. А что, собственно, произошло, Аркадия Сергеевна?

Анна стояла насмерть, решив ни при каких обстоятельствах не пропускать соседку на кухню, где Люся колдовала над их сторожем.

– Звонила Марина Игоревна. Знаете ли, она очень обеспокоена тем, что у вас здесь происходит.

Аркадия Сергеевна, и так на голову выше Ани, встала на цыпочки, стараясь рассмотреть,

что же там на кухне происходит и почему ее туда не пускают.

– Мы с Люсей готовимся к шабашу, – таинственным шепотом сообщила соседке Аня.

– Чего?! – потеряв на мгновение свой музейный лоск, опешила Аркадия Сергеевна. – Какой шабаш?

– Будем вызывать духов. Но не волнуйтесь, никаких там жертвоприношений и поедания некрещённых младенцев.

Увидев, как мгновенно побелела соседка, Аня поняла, что с младенцами переборщила и семидесятилетнюю соседку вот-вот хватит удар, и тут же дала задний ход.

– Аркадия Сергеевна, все хорошо, я пошутила. Просто недавно нашла старую книгу о ведьмах и разной нечисти, теперь всякая ерунда лезет в голову.

– Анечка, – дрожащим голосом начала бывший музейный работник, сразу забыв о цели своего визита. – С такими вещами не шутят. С черной магией надо быть крайне осторожной. Я, конечно, ни во что такое не верю, но мало ли... Я, пожалуй, пойду, а то там Платон Петрович один... А зачем я заходила? А да, мама просила тебя позвонить...

– Ой, у меня же звук выключен, – вскинулась Аня. – Спасибоочки, сейчас перезвоню.

Аркадия Сергеевна кивнула и с деревянной спиной, на негнувшихся ногах двинулась к выходу. Анна закрыла за ней дверь и, на всякий случай для полной уверенности подергав ручку, вернулась на кухню.

Там была полная идиллия. Саня со свежим пластырем на лбу пил крепкий чай и ел бутерброд. Люся варила кофе, непрерывно рассказывая о разных вариантах течения амнезии, и дошла до момента, что полное ее излечение редко, но встречается, и память может возвращаться отрывками и постепенно, или полностью и внезапно, что бывает значительно реже.

– Я знаю точно, что меня зовут не Саня. Не помню, как, но точно не Саня, и еще у меня был... и, наверное, есть маленький сын... Тогда был маленький... Но, может, это был и не мой сын... Просто ребенок, но я его вспомнил...

– Я знаю, что нам делать, – Аня решительно прошла к столу и протянула Люсе свою чашку для кофе. – Мы возьмем у вас отпечатки пальцев. Люся, ты попросишь Александра I. Он же, кажется, имеет какое-то отношение к следственным органам...

– Патологоанатом...

– Ну вот видишь – это же где-то рядом. Он пробьет отпечатки по базе потеряшек – и вуаля! Все встанет на свои места. Саня обретет свое настоящее имя и прошлое.

– Простите, что вмешиваюсь, а почему Александр I патологоанатом?

– Не хотел общаться с пациентами и выслушивать жалобы, – думая о чем-то своем, ответила Люда и тут же добавила пояснение: – Это не тот Александр, который победил Наполеона. Это мой бывший муж, а первый, потому что второй муж тоже был Александром. И чтобы не путаться, я их пронумеровала.

– Мудро, – согласился Саня.

– Ань, а ты пока придумай, чем мы можем испачкать ему руки, чтобы получить качественные отпечатки.

– Сажа из камина подойдет?

– Тащи. И еще чистый лист А4. При случае с Первым поговорю. Это же не к спеху? Так долго человек не знал, кто он, продержится в неведении и еще некоторое время. А сейчас позвольте я вас осмотрю. Думаю, вы достаточно долго пролежали в беспомощности.

– ???

– Саня, вы же не думаете, что мы просто так сюда прилетели? Вы почти сутки не отвечали на звонки. А беспокоить соседей мы не рискнули. Они здесь все возрастные и весьма впечатлительные.

– Ой, соседи! Люсенька, мне надо своим позвонить, а то Аркадия сейчас прискачет вместе с Платоном Петровичем и Джесом.

– А Джес это кто?

– Взрослый и огромный как слон неаполитанский мастиф.

Новая машина еще пахла автосалоном. Люда физически наслаждалась ездой – внутри все пело и ликовало. Не машина, а мечта.

– Кстати, как Марина Игоревна отреагировала на твой звонок?

– Не спрашивай, – в очередной раз выныривая из сумки и отвлекаясь от изучения ее содержимого, наморщила нос Аня. – Поинтересовалась, готова ли я в тридцать шесть лет стать сиротой, и добавила, что если буду продолжать в том же духе – моя мечта скоро исполнится.

– Суровый подход. Твоей маме надо было не филологом стать, а хирургом или патологоанатомом.

– Может, поэтому она и вышла замуж за медика...

– Саня спрашивал о тебе, – внезапно сменила тему Люда. – А именно – о твоей атаке на вожака этих малолетних уголовников.

– Да? – Аня искренне удивилась и тут же по пояс залезла в свой баул.

– Вылезли наконец из своего рюкзака – по-настоящему раздражает, – и, не обращая внимания на отсутствие реакции со стороны подруги, Людмила продолжила: – Я ему рассказала, что защищать сирых и убогих, несмотря на значительное превосходство противника, – это особенности твоего характера. Мол, ты с детства малость не в себе: помнишь, как в школе старшеклассника ранцем лупцевала за то, что тот у первоклашки пытался деньги отнять? Он от удивления тогда чуть богу душу не отдал – еле отбили. А ведь был на голову выше тебя. Слышала легенду, а может, это и правда, о том, как Петр I себе солдат набирал: если испытуемый в стрессе бледнел, то его отправляли в обоз или в технические помощники, а если краснел – то пожалуйте в ряды славной русской армии.

– Это почему? – Аня, оставив поиски неизвестно чего, с интересом уставилась на Люсю.

– Бледность – это спазм сосудов, кровь от головы отлила, мозг не получает кислород, и человек, вместо того чтобы идти в атаку, падает в обморок. Ну а если краснеет – выброс адреналина, кровь бьет в голову – человек впадает в ярость, горизонтов не видит и с голыми руками на танки, «За Родину, за Сталина». Особенно если видит какую-нибудь несправедливость, и особенно относительно других.

– Это ты обо мне?

– О тебе, догадливая моя, и имей в виду: подобные героические личности если и умирают собственной смертью, то преимущественно от инсульта – то бишь кровоизлияния в мозг.

– Угрожаешь?

– Как врач – предупреждаю. Но до инсульта можно и не успеть дожить. Неизвестно чем бы закончилась та история со старшеклассником, если бы меня не было рядом. Помнишь, как я ему в лицо вцепилась – швы накладывали? А сейчас? Хорошо, Саня оказался такой особенный, а то оба уже лежали бы у Александра I в прозекторской. Хотя уверена, что до этого бы не дошло... – постаралась она успокоить Аню. – Сделаем все дела и дома по глотку хорошего вина выпьем. Ты же знаешь: у нас всегда и все заканчивается хорошо.

В ответ Анна смогла лишь судорожно дернуть головой, что, по-видимому, означало согласие, но Людмила (на всякий случай) уточнять не стала.

Зарегистрировав машину в ГАИ, они совершили небольшой (для поднятия жизненного тонуса) тур по магазинам и, припарковавшись у дома, стараясь забрать из салона одновременно все пакеты (обязательно же надо унести всё и сразу), устроили небольшую давку.

– Представляешь, если бы не было машины – вот как бы мы это все дотащили? – задыхаясь под тяжестью покупок, произнесла Анна. – А ты еще сопротивлялась и не хотела ее брать...

– Во-первых, мы бы столько не накупили и сберегли не только здоровье, но еще и кучу денег сэкономили.

– Ничего б мы не сэкономили – купили бы все то же, только в несколько заходов...

– Фэфчонки!!! Как я фаф фас фифеть!!!

– О нет, только не это, – еле слышно пробормотала Аня и тут же, расцветая вымученной улыбкой, громко добавила: – Вовчик, дорогой, как ты вовремя! Давай помогай!

И они дружно взвалили на него большую часть пакетов. От неожиданности тот чуть присел в коленях, при этом заметно подрастеряв радость от их внезапной встречи.

– Фы чего там накупили? – кряхтя от натуги, спросил он, подозрительно багровея. – А лифт у фас фаботает?

– Нет, – выпалил он дружно и, переглянувшись, забрали у него большую часть покупок.

– Дефчонки, фы фто? – не очень сопротивляясь и не очень убедительно фуфыкнул Вовчик. – Ну, мофет, чаем напоете?

– Напоите чаем, а не напоете, – поправила его Анна и отобрала последнюю сумку. – А чай в следующей раз, когда лифт отремонтируют. Так что не скучай, скоро увидимся...

– Обязательно, – подхватила Люся, перехватывая оставшиеся поклажу, – Все, Вовчик, чао, мы торопимся. Дети ждут.

– Фефчонки, поговофить нафо, фавно не фифились...

Его голос пропал, как только щелкнул автоматический замок закрывшейся за ними двери подъезда.

– Вот же братики-ужастики. Надеюсь, что лифт все же работает, а то я здесь, на первом этаже все оставлю, – тяжело дыша, сообщила Люся, яростно давя пальцем на кнопку вызова.

Лифт работал.

– Столько людей задаются вопросом: что такое счастье? – Аня смотрела на сигнальное окошко, где цифры отмеряли количество этажей, разделяющих их с лифтом. – Философы, ученые, писатели, кто только ни пытался дать на него ответ, а вот для меня счастье в данный момент – исправно работающий лифт. По-моему, счастье – это умение ценить то, что у тебя есть сейчас и быть способным этому искренне радоваться. Здорово, если ты стремишься к большему и достигаешь, а если не получилось, ну и что, зато хватило сил и смелости попробовать. Мне кажется, что счастье – это умение радоваться не только большому, но и малому. Надо просто шире открыть глаза, научиться замечать очевидные вещи. Любовь – счастье? Власть? Деньги? Спорные моменты. И в доказательство: «Сказка о золотой рыбке», Ромео и Джульетта... А «властители судеб человеческих»? – в большинстве своем с собой разобраться не могли. Или счастье – это когда тебя понимают. Но если бы лифт сейчас не работал, я бы под этими сумкам сдохла где-то между третьим и четвертым этажами и при этом мне было бы абсолютно все равно, понимает меня кто-нибудь или нет.

– Все, Джульетта, приехали, выгружаемся, – прервала подругу Людмила. – Насчет миллионов: если бы они были, тебе не пришлось бы таскать такие тяжелые сумки. Хотя, как ты говоришь, «это спорный момент», но главное я поняла: счастье – это сегодня и сейчас, а не вчера и не завтра, поэтому радуемся тому хорошему, что имеем, но мечтаем и стремимся к большему. Отсюда вывод: Анна, мы с тобой счастливые, но не ценим то, что имеем.

Повернуть ключ в замке она не успела. Дверь распахнулась сама, и навстречу им, радостно вопя, вылетели Поленька и Оленька.

– Мам, у меня появились красные пятнышки и теперь у Оленьки тоже. Мы теперь еще больше красивые, а тетя доктор сказала, что у нас оспа...

– Ветрянка у обеих, – буднично сообщила Мариванна и, уже обращаясь к девочкам, добавила: – А кто будет продолжать буйствовать – тот завтра на завтрак получит не блинчики, а манную кашу с комочками, и еще рискует остаться без мультиков.

– Принцессы, без паники, сейчас я помою руки, переоденусь и приду читать вам про Элли и Тотошку, – пообещала Люся, чем вызвала у девочек новый взрыв безмерного энтузиазма.

Мариванна привычно перехватила у Люси пакеты и, не обращая внимание на беснование подрастающего поколения, продолжала:

– Анечка, у меня жаркое из телятины, оладьи из кабачков и икра из баклажан – сама делала. Поужинай с нами.

– Нет, спасибо, у меня Дуся некормленная и нецелованная...

– Тебе, Анечка, не Дуся нужна, а взрослый, самостоятельный и состоявшийся мужчина.

– Мариванна, вы рисуете какие-то фантастические картины: самостоятельный, состоявшийся и покрытая вековой книжной пылью перезрелая библиотечка...

– Это ты о ком так жестко? – выскочившая из ванной комнаты Людмила находилась в приподнятом настроении. – Если про свою Светлану, так она у вас настоящая красотка. Высокая, стройная, а какие у нее волосы! – с ума сойти, и несмотря на все это, еще и умна – редкое сочетание... Это ее заведующая, – тут же пояснила она матери. – И эта заведующая действительно хорошая тетка, только с женским счастьем у нее почти как у Ани, а может и хуже. Там у них в библиотеке какой-то Бермудский треугольник: все нормальные мужчины пропадают уже на подходе к их «дому заплутавших душ».

– Вообще-то, говоря о вековой пыли, я имела в виду себя, – пасмурным тоном

сообщила Аня. Видимо на философствование о счастье у нее ушло слишком много сил, и она заметно скисла.

– Нечего всякую чушь городить, – оборвала ее Мариванна. – Сейчас выпьем по глоточку – обмоем новую машину. Я точно знаю: эту традицию надо соблюдать. И только потом Люся идет читать девочкам, а Аня, за неимением лучшего, – кормить Дусю.

Когда Аня вошла к себе в квартиру, походка у нее была неуверенная, настроение – замечательное, а время близилось к полуночи. Дусина морда выражала глубокую скорбь и открытым текстом показывала бездонность той пропасти, куда неумолимо скатывалась ее хозяйка: мало того что явилась поздно, так еще и пьяная.

Аня попыталась донести, что два бокала вина – это не пьянство, а тем более не алкоголизм, и попыталась поцеловать ту в макушку. Дульсинея не прониклась душевными метаниями хозяйки, цапнула ее за подбородок и, задрвав веерный хвост, подиумной походкой скрылась в комнате.

– Как, скажешь, дорогая, – ничуть не обиделась Анна и, напевая себе под нос: «Сердце красавицы...», двинулась на кухню.

Постепенно хмель улетучивался, а с ним легкость и хорошее настроение. Тридцать шесть и «одиночество – скука...», а через четыре года будет сорок, как Светлане, может быть, должность старшего библиотекаря с окладом на три тысячи больше и, возможно, еще одна или даже две кошки. В принципе, чего еще можно ожидать, сидя дома или в библиотеке, расположенной в глуши спального района. На колени тяжело бухнулась Дуся, как настоящая женщина, знающая, когда надо остановиться в своих обидах, понять, простить и принять, и начала устраиваться поудобнее.

– А в другом месте никак? – поинтересовалась Анна, и на нее тут же уставились полные недоумения два сведенных к носу глаза. – Нет-нет, сиди, где тебе удобно.

Дуся, чуть поразмыслив, стоит ли ей вновь обидеться или повременить, по-видимому, решила, что ради комфорта можно пойти на определенные жертвы, а повредничать она всегда успеет. Аня почесала кошку за ухом.

«Может, мне слишком спокойно живется, и давно никаких проблем не было... О, кстати о проблемах! Ведь статья так и осталась недописанной, Светлана за это голову не оторвет, но бухтеть будет долго. И неизвестно, что хуже. Так, решено: завтра с утра займусь делом, тем более, там осталось всего ничего, как сказала бы мама: „Только начать и закончить“. Но при определенном вдохновении работы на пару часов, а насчет кошек: если хорошо поразмыслить, то с ними жизнь гораздо спокойнее».

Последняя «большая и чистая любовь», кроме страданий, неприятностей и головной боли, ничего больше не принесла. Хотя нет, как же она могла забыть о глобальном конфликте, возникшем в их семье из-за ее выбора? Несмотря на то что все уже было в прошлом, болезненный осадок и натянутость в отношениях с родителями сохранялись. Придя в очередной раз к мысли, что они, по сути, оказались правы и надо бы к ним съездить, она, глядя, как Дульсинея свернулась клубком, а значит устроилась надолго, полюбопытствовала:

– Дуся, может съездим к папе с мамой? А то ведем себя как две дурынды.

Кошка подняла голову, и Ане показалось, что у той от возмущения усилилось косоглазие.

– Хорошо, дурында одна – я. Я одна большая дурында, теперь ты довольна?

Дуся, хорошо зная свою хозяйку, не ответила, вновь свернулась мохнатым калачиком и замерла в ожидании повода для очередной обиды.

Лежа в кровати и пытаясь уснуть, Аня нет-нет, но мыслями возвращалась к таинственному божу. Он был совсем не похож на того, кто виноват в создавшейся ситуации. Его взгляд, манера говорить, двигаться не укладывались в ее представления об опустившихся на дно жизни людях. Взять хотя бы, как он ел: ведь без всяких сомнений его мучал голод, но у него хватило выдержки не наброситься на еду, а воспользоваться вилкой и ножом, и потом он никуда не

торопился и был аккуратен... Говорят, среди бомжей и профессора встречаются, но он точно не профессор. Что-то не складывается. Она перевернулась на другой бок. Он был явно в чуждой для него среде, и грязь помоек к нему не пристала, ну, в переносном смысле. Может, поэтому и возникла идея поселить его в Репино. Было в нем что-то такое... неординарное, а может, она просто давно не общалась с мужчинами. Нет, последний бокал вина точно был лишним... А вот если его представить в костюме и чуть поправившимся и если забыть то пальто, что он оставил на улице...

Люся тоже не спала. У мамы поднялось давление, и девочки, перегуляв, вели себя хуже некуда. Когда она со всеми справилась и в доме воцарилась тишина, время перевалило далеко за полночь. Она налила себе остывший чай и, сидя за столом, бессильно сгорбилась над чашкой. На улице поднялся сильный ветер. МЧС заранее предупредило о надвигающемся урагане, и он наконец пришел. За окнами стонало и выло, будто вся нечисть решила устроить веселую гулянку и теперь ломилась к ней в дом, зазывая к себе в компанию. В голове было пусто. Последние дни вымотали ее до крайности. Очень хотелось убежать, улететь, скрыться от существующих и надвигающихся проблем, и от осознания, что это невозможно, становилось только тяжелее. Столько лет без отпуска, без возможности побыть самой собой в круговерти той жизни, где существует только одно слово – «надо». Надо искать новую работу, только кому и где она нужна с двумя маленькими детьми? Надо купить Поленьке новую шубку: она хорошо подросла за лето. У мамы таблетки заканчиваются – надо завтра купить, и еще протокол операции дописать: бросила сегодня на половине и к секретарю забыла подойти, чтобы расписаться за выговор...

– Бедная моя девочка, – мать погладила ее по голове. – Как я могу тебе помочь?

– Мам, ты зачем встала? Сейчас давление опять поднимется... И потом, ты же знаешь, что именно ты тащишь на себе девочек и все домашние дела. Иди ложись, я сейчас допью чай и тоже пойду.

Мариванна поцеловала дочь и, запахнув на груди халат, тяжело вздохнув, сонно произнесла:

– Мне жаль, что я не могу сделать большего... А ты, детка, не засиживайся: поздно уже. И еще раз поцеловав дочь, тяжело шаркая ногами, она медленно скрылась в спальне.

Людмила проводила ее взглядом. Хорошо, что есть мама, и по большому счету все не так плохо, даже можно сказать – хорошо. Анька была права: если подумать, она счастливый человек. Дети, мама, работа, которая позволяет шатко-валко сводить концы с концами, машина, подруга, всегда готовая прийти, прибежать, примчаться на помощь. Что она там говорила: «надо шире открыть глаза и научиться радоваться тому, что есть, продолжая стремиться к большему»? Поэтому нечего дурью маяться. У нее столько счастья – в обеих руках не унести. И, сладко потянувшись, Люся одним глотком допила остатки чая. Вот посуду можно помыть завтра, и от этого никто не пострадает.

Девочки уже спали. Раскрашенные зеленкой, они напоминали пупсов с неестественно большими веснушками. Поцеловав их, она заглянула к маме, та тоже спала, и на ее лице были покой и умиротворение. Она знала: дочь справится с любой проблемой.

– Мам, я не подведу, – улыбаясь, прошептала Люся и, тихо прикрыв дверь, без сил рухнула на свой диван. Перед тем как ее накрыл сон, она успела подумать о том, что все будет хорошо, обязательно будет хорошо, ведь она такой счастливый человек.

Наступивший день был ветреным и дождливым. В библиотеке кроме Ани и охранника никого не было. Зиночка, несмотря на клятвенные заверения, вновь опаздывала, у бабы Любы был выходной. Читатели субботним утром к ним не стремились: кто-то еще спал, кто-то занимался накопившимися за неделю домашними делами. Первая половина дня чаще всего прохо-

дила спокойно, ну, может, за редким исключением. Аня включила стоявший рядом с конторкой обогреватель, подвинула его к себе поближе: протапливать только начали, и в библиотеке, особенно утром, было холодно, но чашка с горячим чаем в

руках вселяла надежду на лучшее. Пока никто не объявился, можно почитать (мысли о статье остались дома вместе с Дульсиной).

– Анна Ильинична, здравствуйте! Так рада вас видеть!

От неожиданности Аня едва не выпала из кресла:

– Эльвира Петровна?! Здравствуйте... Что-то случилось?

– Ах, да ничего, – Эльвира Петровна беззаботно махнула рукой. – Старческая бессонница. Проснулась в пять утра, читать не хотелось, убирать тем более, взяла и нажарила пирожков с яблоками. – Она расстегнула плащ на утепленной подкладке, под которым красовалась белая блузка с пышным жабо и большой камеей. – Нажарила столько – одной не съесть, вот и решила прогуляться и вас угостить...

– Так может, вам тоже чаю налить? – подхватила Аня. – Чайник только закипел. Тем более, на улице холодно, и вы наверняка продрогли.

– Спасибо, дорогая, я тороплюсь. В магазинах скидки для пенсионеров действуют только до двенадцати часов, и все старушечки типа меня стараются затариться именно в это время. Я контейнер с пирожками оставлю в «зоне»... А что, Зиночка, как всегда, опаздывает?

И не дожидаясь ответа, Эльвира Петровна, все так же пребывая в приподнятом настроении, уплыла в сторону зоны отдыха. Аня проводила ее удивленным взглядом, и внезапно над ее головой утробно пророкотало:

– Доброе утро, душенька. Я знала, что застану вас одну.

Переведя взгляд на источник звука, она увидела, что находится в опасной близости от нависшей над ней шляпой с опушкой, из-под которой виднелся двойной подбородок и огромная грудь.

– Рада видеть вас, Скарлетт Альбертовна, – с максимальной доброжелательностью откликнулась Аня, решив про себя, что ей надо обязательно проверить слух. Не услышать появление Эльвиры, достаточно крупной дамы, и тем более Скарлетт, – это тревожный признак.

– Не лгите, душенька. Вы совсем не рады видеть ни меня, ни кого бы то ни было еще. У вас наикислейшее выражение лица, которое мне приходилось когда-либо видеть.

Ах, если бы мне вернуть мои сорок лет...

– Мне еще нет сорока...

– Ах, неважно, – перебила ее Скарлетт. Сорок лет – это начало прекраснейшего периода в жизни женщины. Он сочетает в себе одновременно мудрость, красоту и накопленный жизненный опыт. Женщина в этом возрасте все умеет, все может и ничего не боится. Это возраст свободы и независимости от условностей. Ах, как я была счастлива в свои сорок...

– Здравствуйте, уважаемая Скарлетт Альбертовна! – Эльвира Петровна успела в «зоне» поправить макияж и растрепанную непогодой прическу из седых локонов и выглядела так, будто собиралась не в магазин, а на бал. – Анечка, все на столе. Потом расскажешь, понравилось или нет. Зиночке передавай привет и всем до свидания.

– Всем драсте! – ворвалась в их разговор запыхавшаяся Зиночка. – Анна Ильинична, простите, пожалуйста. Я... у меня... О, Эльвира Петровна...

Эмоции на ее лице сменялись, как в калейдоскопе, начиная от легкой, почти неуловимой неловкости до сумятицы. Какие еще причины опозданий она не выдавала на-гора?

– Все-все, меня уже нет, – и подарив всем воздушный поцелуй, Эльвира Петровна заторопилась к выходу.

– Зиночка, – грудным голосом пророкотала Скарлетт Альбертовна, – пока вы не придумали какую-нибудь несуразицу, сделайте мне, как вашему постоянному читателю, крепкого чаю и положите три ложечки сахара.

– Ну что замерла? – участливо поинтересовалась Анна. – Действуй. Отработывай опоздание. А вы, Скарлетт Альбертовна, присаживайтесь ближе к обогревателю, скорее согреетесь.

Ту уговаривать не пришлось. Расстегнув широченное, похожее на старинный салоп пальто и немного сдвинув шляпу на затылок – теперь кроме подбородков была видна еще нижняя губа – она тяжело обогнула их конторку и осела в Зиночкино кресло, которое под внезапно свалившимся на него весом тяжело заскрежетало, но все же не сдалось и выстояло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.